

А. С. ПРУГАВИН

Леонтий Егорович и его поклонницы¹

От автора

После того, как бульварная, «желтая» пресса, бьющая на сенсации и низменные инстинкты толпы, вылила целое море грязи, описывая похождения Григория Распутина и его отношение к царской семье, — как-то жутко и неприятно приниматься за эту тему.

И тем не менее, однако, по мотивам не столько психологического, сколько общественного и политического характера, мы считаем необходимым заняться этой темой, тем более что даже в органах серьезной прогрессивной печати вопрос о причинах поразительного влияния этого «проходимца» до сих пор не только не получил разрешения, но даже не был правильно поставлен, не был надлежаще освещен.

Личность и деятельность пресловутого «старца», подчинившего своей воле не только царицу, но и царя, трактовались обыкновенно вне всякой связи с тем нездоровым мистическим брожением, которое давно уже захватило царскую семью и которое, собственно, и выдвинуло этого темного субъекта на первый план, сделав из него центральную фигуру и в глазах придворных и чиновных бюрократов. А главное, никто не пытался выяснить самый характер и подоплеку этого брожения.

По мере того, как это грубо-суеверное, мистическое брожение, усиливаясь и обостряясь, принимало явно психопатический характер, влияние Григория Распутина возрастало все больше и больше, и наконец он становится главным руководителем в делах как русской церкви, так и русского государства. Относительно последних годов старого режима можно без особого преувеличения сказать, что самодержцем

¹ Печатается по: *Пругавин А. Леонтий Егорович и его поклонницы*. М., 1916.

России был в то время уже не Николай II, а Григорий Распутин, который диктовал царю свою волю то прямо и непосредственно, то чрез царицу... Результаты налицо.

Русское самодержавие — «самое варварское и фанатическое в Европе» — лопнуло, как мыльный пузырь. Олицетворявший его монарх, стоявший во главе 180-ти миллионов народа, повелевавший могущественнейшей армией, охраняемый специальным конвоем, явной и тайной полицией, жандармерией, бесчисленными агентами «охраны», — этот, казалось, всесильный, всемогущий монарх был взят голыми руками, был арестован среди бела дня, открыто, на глазах у всех, представителем народа инженером Бубликовым, вместе с тремя его сочленами по Государственной Думе.

И ни один человек из 180-ти миллионов народа, ни один солдат из многочисленной армии, даже ни один человек из свиты, конвоя и охраны не выступил на защиту этого монарха, не сделал ни малейшей попытки отстоять его. Не раздалось ни одного выстрела, не было пролито ни одной капли крови, не было заявлено ни одного протеста. Николай II был свергнут с престола с такой же легкостью и быстротой, с какой увольняется от службы «по 3-му пункту» какой-нибудь чиновник XIV класса. На первый взгляд это представляется чем-то совершенно фантастическим, невероятным, каким-то волшебством. Какая-то блестящая, сказочная феерия, какое-то чудо... На самом деле, конечно, тут никакого чуда нет. Причин, которые вооружили против Николая II все русское общество, всю русскую армию, весь русский народ, которые сделали ненавистным и непереносимым не только его и его управление, но всю династию Романовых, — слишком много. Но так как эти причины, по крайней мере, наиболее главные, глубокие и коренные из них, всем хорошо известны, то поэтому мы и не будем здесь останавливаться на них.

Мы отметим только ту роль, какую сыграл в этом процессе пресловутый «старец», печальный герой очерков, которые мы предлагаем вниманию читателей.

Никто так не расшатал царский престол в России, никто так не уронил, не унизил в глазах народа и общества личность государя и государыни, никто так не дискредитировал царской семьи, как Григорий Распутин. Этот темный субъект сыграл поистине роковую, фатальную роль в истории падения династии Романовых.

Он своим поведением, своим образом действий, своим вмешательством во все сферы государственной и церковной жизни вызвал против царя и царицы целую бурю, целый ураган негодования, озлобления, ненависти и презрения.

Благодаря ему царь и царица сделались посмешищем во всех слоях русского общества и народа сверху донизу. Дворянство и аристократия были скандализированы грязными похождениями «старца», возмущены его огромным влиянием на царя и царицу. Кухарки и горничные, стоя в хвостах у лавок и магазинов, с хохотом рассказывали друг другу самые чудовищные слухи и сплетни о близости Распутина к царской семье.

Духовенство было до глубины души возмущено тем явным и отвратительным кощунством, которое происходило в царской семье и в придворных сферах, считавших живым Богом грязного, невежественного, развратного и пьяного мужика.

Один из иерархов русской церкви, заслуженно пользующийся большой популярностью и уважением, писал мне как раз в день убийства Распутина, не зная об этом факте: «Твердо помните, что “герой” XX века (т.е. Распутин) — хлыст, и есть у меня основание думать, что все зеты и игрики Вашей книжки* тоже хлысты... Этим объясняется падение всех честных людей с вершин власти».

Под буквой Z я упоминал в своей книжке о царице Александре Федоровне, а под буквой У — о Николае II. На фронте, в войсках, среди офицеров и солдат, конечно, нельзя было открыто говорить о царе и царице. Но как только разговор переходил на Распутина, — тут все задержки моментально исчезали и начинался самый откровенный обмен мыслей, разливался неудержимый поток всевозможных слухов, толков и сплетен относительно необыкновенной близости этого человека к царской семье, относительно причин его поразительного влияния.

Как только появилось первое издание этой книжки под заглавием «Леонтий Егорович и его поклонницы», в которой был выведен пресловутый «старец», меня начали посещать офицеры разных частей войск, находившихся в Петрограде, а также приезжавшие с фронта. Они выражали мне сочувствие за то, что я затронул в печати наиболее болезненный вопрос о влиянии при дворе таких проходимцев, как Распутин, высказывали негодование по поводу этих возмутительных явлений, сообщали слухи и факты из хроники придворной жизни и т.д. В то же время они предлагали мне свое содействие в деле дальнейшего исследования и раскрытия причин, благодаря которым были возможны вакханалии, происходившие вокруг Царского Села.

Один из этих офицеров, молодой поручик-сапер, пылкий патриот, только что приехавший с фронта, очень просил меня сообщить адрес

* Леонтий Егорович и его поклонницы.

квартиры Распутина и номер его телефона. На мой вопрос: зачем это нужно ему? — он признался, что решил убить Распутина, так как глубоко убежден в том, что он губит Россию, предает ее вместе с царицей и что, пока он жив, война не может закончиться победой.

Мне пришлось объяснить своему собеседнику, что, как ни велико влияние Распутина, тем не менее суть все-таки, конечно, не в нем, а в личности царя и царицы и в той атмосфере, которая создавалась вокруг них, и что поэтому с устранением зловредного «старца» условия отнюдь не изменятся к лучшему, так как на место Распутина немедленно же явятся другие подобные ему субъекты, которые и будут играть на тех же струнах.

В то же время я получил доказательства, что упомянутой книжкой живо заинтересовались лица, стоявшие во главе нашей доблестной армии, в которой уже в то время все заметнее складывалось убеждение, что Николай II, его жена и Григорий Распутин ведут Россию к неминуемой гибели...

Изданная в Москве в феврале прошлого года, книжка эта была распространена издательством в течение трех дней. Когда на четвертый день в книжный склад, где она находилась, явилась полиция по приказанию командующего войсками Московского военного округа генерала Мрозовского, чтобы конфисковать ее, — оказалось, что на складе осталось только 57 экземпляров.

Считая действия генерала Мрозовского в деле ареста моей книги совершенно незаконными, я протестовал против них следующим открытым письмом.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Господину командующему войсками Московского военного округа генералу от артиллерии И. Н. Мрозовскому.

Ваше Превосходительство!

В январе месяце текущего (1916) года по Вашему распоряжению был наложен арест на изданную мною в Москве книгу «Леонтий Егорович и его поклонницы», после чего книга моя подверглась конфискации.

В силу предоставленного Вам права Вы ничем не мотивировали своего распоряжения об изъятии книги. Об этом нельзя не пожалеть, так как распоряжение Ваше невольно вызывает полное недоумение, с какой бы точки зрения к нему ни подойти.

Прежде всего позвольте обратить Ваше внимание на следующий факт: почти весь рассказ, вошедший в мою книгу, был целиком, без всяких изменений, за исключением лишь двух последних глав, напечатан мною

в журнале «Русская Иллюстрация» в августе и сентябре месяцах прошлого 1915 года в NN28, 29, 30 и 31 — под названием «Около старца».

Напечатание этого рассказа в «Русской Иллюстрации» не только не вызвало никаких репрессий, но не возбудило даже ни малейших недоразумений цензурного характера, хотя этот журнал издавался в той же самой Москве, в которой вышла и моя книга.

Таким образом, возникает вопрос: почему же то, что можно было совершенно свободно и вполне безнаказанно писать в августе и сентябре, вдруг сделалось запретным и преступным в январе?

Как Вам известно, в моей книге совершенно не затрагиваются темы, имеющие какое-либо отношение в войне, к армии, к вопросам фронта или тыла... О, если бы действительно было что-либо подобное, то поверьте, генерал, что тогда я беспрекословно подчинился бы Вашему распоряжению, какой бы жестокий урон оно ни причиняло моим интересам. Одушевляющее меня патриотическое чувство не позволило бы мне протестовать против распоряжения даже в том случае, если бы оно представлялось мне недостаточно обоснованным.

Но Вы, конечно, не можете не признать, что в данном случае нет ничего подобного, что моя книга ни в малейшей степени не имеет касательства к только что перечисленным мною темам, ибо вся она, — от начала до конца, посвящена вопросу как нельзя более нейтральному.

Книга моя имеет целью осветить и выяснить то странное, насыщенное суеверием мистическое брожение, которое, возникнув лет 15 тому назад в некоторых слоях петроградского общества вокруг разных «старцев», «прозорливцев», «пророков» и юродивых, в последние годы получило особенно заметное развитие.

Лично я не мог не заинтересоваться этим брожением уже по одному тому, что в течение многих лет специально занимаюсь исследованием религиозных движений, происходящих в русском народе и обществе. Мои работы в этой области получили известное признание не только в России, но и за границей, между прочим, со стороны таких авторитетных представителей французской литературы, как М. де Вогюэ, Анатоль Леруа-Болье и друг.

К сожалению, нездоровое, отчасти даже патологическое движение, происходящее вокруг разных «старцев» и «пророков», встречает явное сочувствие и поддержку со стороны многих весьма влиятельных лиц, вследствие чего оно на глазах всех заметно разрастается все более и более.

Православное духовенство с ужасом и негодованием смотрит на поступательное движение этих темных мистических сил, но, забитое и приниженное, оно не смеет поднять свой голос в защиту религии и морали, за исключением лишь очень немногих отдельных лиц, каковы, например, епископ уфимский Андрей или московский священник Востоков.

Поставив себе целью объективно и внимательно разобраться в этом явлении, столь необычном и поразительном для XX века, я собрал обширный

материал о жизни и деятельности «старцев» и «пророков», а также о той среде, в которой они имеют наибольший успех. Материал этот, насколько я могу судить, представляет огромную ценность не только в психологическом, но и в общественном отношении.

Рассказ «Леонтий Егорович и его поклонницы» является лишь первым выпуском целой серии изданий, намеченных мною в видах всестороннего выяснения поразительного явления нашей современной религиозно-общественной жизни. Центральной фигурой этого рассказа является знаменитый старец, выведенный мною под именем Леонтия Егоровича Путинцева. Пользуясь совершенно исключительным вниманием и расположением высокопоставленных лиц, этот старец приобрел такое влияние, или, правильнее сказать, такое могущество в церковных и государственных делах, каким пользовались у нас разве временщики и фавориты XVIII столетия.

Необходимым считаю добавить, что книга была издана мною в самом ограниченном, минимальном количестве экземпляров (всего 1500), продажная цена назначена была сравнительно с объемом книги весьма высокая, так как изящная внешность издания потребовала довольно крупных расходов; наконец, как содержание книги, так и характер изложения — все это громко говорит за то, что автор ее был как нельзя более далек и чужд всякой мысли о целях пропаганды или тем более агитации.

Ввиду всего изложенного Ваше распоряжение об аресте и конфискации этой книги является совершенно необъяснимым. Какие цели преследовали Вы, генерал, запрещая мою книгу? Чьи интересы Вы защищали и оберегали? Смею думать, что ни интересы церкви, ни интересы государства не нарушены в моем рассказе.

Буду надеяться, что Ваша совесть подскажет Вам, что Вы должны сделать в этом случае. Сознавши свою ошибку, Вы нравственно обязаны исправить ее. Вы должны восстановить мои авторские права, столь несправедливо и незаконно нарушенные Вашим распоряжением. Вы должны снять запрет с моей книги. Вы не должны отнимать у меня возможности правдиво и честно продолжать исследование того крайне болезненного, суеверно-мистического движения, которое вносит глубокую деморализацию в среду общества и великий соблазн в души верующих и религиозно настроенных. Эта деморализация, этот соблазн, растущие с каждым днем, грозят страшным развалом, скажу более — катастрофой.

Замолчать подобное явление невозможно, немислимо, и никакие цензурные и полицейские препоны, аресты и конфискации не будут в состоянии достигнуть этой цели.

Не забывайте, генерал, что над всеми нашими действиями существует высшая инстанция суда — самая строгая и нелицеприятная — суд общественного мнения. Поэтому в заключение позвольте Вам напомнить слова

нашего величайшего национального поэта, вложенные им в уста летописца по адресу Бориса Годунова:

И не уйдешь ты от суда людского,
Как не уйдешь от Божьего суда!

В надежде, что Вы не захотите оставить без ответа это письмо, прошу Вас принять уверение в истинном уважении и преданности.

А. Пругавин

Ни одна газета не решилась напечатать это письмо, так как в силу личного приказа Николая II цензура в то время воспрещала всякое упоминание в печати не только о Григории Распутине, но и «старцах» вообще... А генерал Мрозовский, получив мое письмо, предпочел промолчать, так как ему нечего было сказать в объяснение и оправдание своих действий, направленных к охране преступного «старца» Распутина от обличений печати.

Старый, продажный режим свергнут, но его прислужники, его адепты, строившие свое благополучие на угнетении трудового народа, остались. Сейчас они притаились, но они ждут благоприятного момента, чтобы выступить с целью реставрации старого, самодержавного, полицейский-жандармского строя. Конечно, они употребляют все усилия для того, чтобы в этих видах использовать предстоящее Учредительное Собрание.

Поэтому крайне необходимо, чтобы народ, армия и общество отчетливо знали, что, собственно, представляло собой то самодержавие, о восстановлении которого хлопочут эти корыстные или слепорожденные люди, — необходимо, чтобы все знали, что представляла собой семья Николая II, что представляла собой династия Романовых, какая отравленная атмосфера царила в их дворцах. Нам предстоит встретиться здесь с целым сонмом дегенератов, алкоголиков, психопатов и психопаток, истеричек, эротоманов, неврастеников, ханжей хлыстовского типа...

Еще одно маленькое замечание. Кроме грязи и сала, которые вылила бульварная печать по поводу того мистического брожения, которое было окрашено явным патологическим налетом и в центре которого стоял Григорий Распутин, она выпустила еще огромное количество грубой лжи, явной неправды, голословных обвинений и клевет против отдельных участников этого движения. Мы, разумеется, не встанем на этот путь и в своих рассказах и очерках, как всегда, будем основываться только на сведениях, проверенных нами, и на документах, не подлежащих сомнению...

Да здравствует свобода!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует обновление не только политическое и социальное, но и моральное и этическое!

31 марта 1917 года

На рубеже новой эры

Уже третий год на мировой арене происходит жестокая и беспощадная битва народов наиболее культурных, наиболее цивилизованных. Изю дня в день льются потоки крови, уносятся миллионы человеческих жизней. Военное счастье склоняется то на одну, то на другую сторону. Но в сердцах всех людей, сохранивших душу живую, непоколебима уверенность в то, что победителями в этой борьбе выйдут те, на знамени которых написано: право, свобода, любовь, справедливость.

Духовное обновление уже началось. Сбылось по народной пословице: не бывает бы счастьем, да несчастье помогло.

Благодаря войне, небывалой на летописях истории, Россия получила уже великое счастье в виде отрезвления народных масс.

Крепко верим, что та же война повлечет за собою и духовное отрезвление русского общества, что она оздоровит общественную атмосферу, затхлую и удушливую, что она озонирует воздух, отравленный разными миазмами, наполненный бациллами лицемерия, беспринципности, извращенности.

Все говорит за то, что мы стоим накануне новой эпохи, на рубеже новой великой эры, с необъятными, светлыми, лучезарными перспективами. Чувствуется, что на наших глазах совершается великий исторический сдвиг, назревает перелом колоссального значения и важности.

Тяжелые, темные тучи, грязные и косматые, как чудовища, что наглухо закрывали горизонт, начинают редеть и проясняться. Впереди уже брезжит пока узкая, пока чуть заметная полоска света. Но вот-вот вспыхнет заря новой жизни, и засверкают и польются золотые, горячие, как пламень, лучи. Они растопят и зажгут сердца людей, даже самых холодных и черствых.

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Новая эра несет людям новое обновление — духовное, религиозное, этическое, моральное. Все то нездоровое, уродливое, изломанное, патологическое, что накопилось в области духа и интеллекта в годы безвременья, все то, что калечило жизнь людей, их искусство и литературу, — все это исчезнет, как грязная накипь, которая мутит и затемняет общественное сознание.

Но для того, чтобы эти надежды, эти пожелания могли осуществиться в полной мере, необходимо тщательное и беспристрастное выяснение тех нездоровых, уродливых, патологических явлений, от которых страдала и страдает наша жизнь, наше сознание. Излечение болезни невозможно без предварительного, точного диагноза.

Одно из таких болезненных явлений последних лет мы затрагиваем в рассказе, предлагаемом вниманию читателей.

I

Ксения Владимировна

Возвращаюсь домой. Прислуга сообщает:

— Была какая-то дама... Письмо оставили. Обещались другой раз заехать. Фамилии не сказали. Я говорю: барин завсегда приказывают фамилию спросить... Не сказали!.. Говорят: в письме там все написано.

Вскрываю письмо, оставленное таинственной дамой.

Очень популярный, пользующийся почетной известностью профессор и академик пишет, что его родственница Ксения Владимировна Гончарова*, молодая, начинающая писательница, очень заинтересована современными религиозными движениями, происходящими в обществе и народе, и желает получить от меня по этому вопросу некоторые сведения и указания. Профессор выражает надежду, что я не откажусь помочь в этом случае г-же Гончаровой. Спешу отозваться и назначаю день и час, когда меня можно застать безошибочно.

Вскоре после этого г-жа Гончарова посетила меня. Сбросив в передней бархатную элегантную шубку, вошла молодая дама лет 26–27. Стройная, гибкая шатенка, с тонкими чертами лица, с темными живыми глазами, внимательными и пытливими.

С целью выяснить, чем я могу быть полезен новой знакомой, я предложил ей несколько вопросов о том, что именно в области современных религиозных исканий наиболее занимает ее внимание, с какими запросами подходит она к этому явлению и т.д.

— В данный момент, — сказала г-жа Гончарова, — я более всего заинтересована тем религиозным брожением... или, может быть, точнее будет сказать, тем поветрием, которое наблюдается теперь в разных слоях нашего общества и которое я затрудняюсь охарактеризовать одним каким-нибудь термином. Словом, я имею в виду то полное мистицизма и суеверия брожение, которое выдвинуло у нас разных «прозорливцев», выступающих в роли религиозных подвижников,

* Имена и фамилии изменены.

выдвинуло разных «пророков», юродивых, блаженных. Некоторые из этих людей находят себе горячих и многочисленных последователей и последовательниц среди влиятельных общественных слоев, имеют огромный, прямо поразительный успех... И это в XX веке!

Заметно волнуясь, г-жа Гончарова продолжала:

— Перед этим явлением я останавливаюсь с полнейшим недоумением. И вот поэтому мне очень, очень хотелось бы заняться его изучением и выяснением — подробным и беспристрастным. Не скрою от вас, что это мне необходимо для задуманной мною повести.

— Я понимаю ваше желание, — сказал я.

— Но должен, однако, предупредить вас, что изучение заинтересовавшего вас явления представляет некоторые неудобства и затруднения чисто специфического характера.

— Что такое? — с недоумением спросила моя собеседница.

— Очень возможно и даже неизбежно, что в вашем исследовании вам придется близко столкнуться с темными, нездоровыми, патологическими сторонами человеческой природы. Согласитесь, что это очень неприятно, щекотливо и тяжело, особенно для такой молодой дамы, как вы.

— Мне кажется, вы слишком преувеличиваете мою молодость и неопытность, — возразила г-жа Гончарова, и в тоне ее голоса довольно определенно послышалась нотка какой-то обиды. — Я не институтка, а современная женщина. За свою, хотя и недолгую, жизнь мне пришлось пережить и тяжелую утрату, и горькое разочарование в людях. Наконец, я много... да, да, очень много видела и испытала. А патологии в современной жизни, к сожалению, сколько угодно, поэтому игнорировать ее невозможно. И те трудности, о которых вы говорите, отнюдь не пугают меня.

— Я считал своим долгом предупредить вас, но, разумеется, я далек от всякого желания опекать вас... Явление, о котором вы говорите, интересует и меня. И я давно уже собираю материалы, касающиеся деятелей и участников этого «движения». У меня имеются их письма, дневники, записки, телеграммы, портреты, разного рода документы, а также масса газетных вырезок о современных «пророках» и юродивых. Тут, между прочим, вы найдете почти все, что только появлялось в нашей, а отчасти и в заграничной печати о знаменитом «старце», «прозорливце» Григории Ефимовиче Распутине, о котором столько говорят и пишут. Думаю, что все это может представить для вас немалый интерес и может пригодиться для ваших литературных работ. Конечно, я охотно поделюсь с вами этими материалами.

Разыскав среди своих картонов и папок особое «досье», в котором были собраны документы о современных «пророках», а также газетные вырезки о них, я передал его г-же Гончаровой с просьбой вернуть мне эти материалы после того, как она успеет ознакомиться с ними.

Ввиду того, что в дальнейшем изложении мне придется в значительной степени основываться на наблюдениях г-жи Гончаровой, я считаю необходимым подробнее остановиться на ее характеристике и познакомить читателей с ее прошлым, насколько все это выяснилось для меня за время моего знакомства с Ксенией Владимировной. Конечно, мне придется при этом основываться почти исключительно на ее собственных словах и показаниях.

Она выросла и воспитывалась в помещичьей семье хорошего достатка в одной из подмосковных губерний. Росла под влиянием своей бабушки, глубоко религиозной женщины, сумевшей передать внучке свою горячую и активную веру.

С годами религиозное чувство молодой девушки росло и осложнялось. Она увлекалась поэзией, природой, литературой; но эти увлечения не вытесняли религиозного настроения; напротив, и поэзия, и религия, и природа в ее представлении сливались во что-то цельное, гармоническое и светлое.

Шестнадцати лет она полюбила троюродного брата, 20-летнего юношу, только что перед тем произведенного в офицеры одного из привилегированных полков. Взаимная симпатия постепенно росла, и когда, год спустя, молодому офицеру предстояло отправиться на войну с японцами, совершена была помолвка молодой четы. Трогательное прощание, горечь тяжелой разлуки и затем чуть не ежедневные большие письма — пылкие, наивные, сердечные.

Время шло... Мы терпели постыдные поражения, война все более и более принимала печальный для нас оборот. Вдруг письма с Востока прекратились. Проходит неделя, месяц — ни письма, ни известий. Страшная, мучительная неизвестность. Ни в числе раненых, ни в числе убитых, ни в числе взятых в плен его имени не встречалось. Где же он, ее Игорь? Что с ним? Жив или погиб? Мысль о возможности измены ни разу даже на минуту не приходила ей в голову.

Под влиянием тягостных настроений в ней с новой силой пробуждаются порывы и стремления. Она ищет утешения в церкви и у священников. Долгими часами простаивает она то в одном, то в другом из московских храмов, забывшись в молитвенном экстазе.

Она едет в Оптину пустынь, к знаменитому монаху-схимнику, слава о святой жизни и подвигах которого гремела в народе. Она спрашивает

его: жив ли ее жених, жив ли ее милый Горя? Седой как лунь отшельник утешал ее, успокаивал, советовал молиться и верить, что дорогой для нее человек жив, что он вернется к ней. И она верила и молилась, вкладывая в эту веру и в эту молитву весь жар, весь пыл молодой девственной души.

Томительная неизвестность продолжалась около года. Страшный, роковой год в ее жизни. Наконец на запрос ее родных от начальника штаба главнокомандующего было получено официальное письмо с извещением, что подпоручик гвардии Игорь Н. «умер как герой, смертью храбрых» в битве при Мукдене и что его сослуживцам остается только завидовать его судьбе.

Жизнь молодой девушки казалась разбитой, хотя ей было в то время не более 18 лет. Родные, опасаясь, чтобы угнетенное, подавленное состояние духа, которое овладело ею по получении рокового известия, не развилось в психическую болезнь, увозят ее за границу и поселяются в Швейцарии, в одном из поэтических уголков, которыми так изобилуют берега Женевского озера.

Глубокое личное горе переживалось одновременно с религиозным кризисом, происходившим в душе молодой девушки под влиянием только что перенесенного удара судьбы и разбившихся надежд. Когда здоровье Ксении Владимировны более или менее восстановилось, семья переехала в Париж.

Новая среда, новый уклад жизни. Мало-помалу завязываются новые знакомства. В результате пережитого кризиса *вера*, воспринятая некогда от умной и любимой бабушки, — горячая, наивная, слепая вера растаяла и исчезла как сон. Но отношение к *религии*, как к чему-то огромному, важному, безусловно необходимому в жизни отдельных людей и всего человечества, осталось. Остался прежний живой интерес к религиозным исканиям, к новым течениям в области религии и этики.

Ксения Владимировна знакомится с парижскими приверженцами буддизма, с теософами, с католиками в стиле Гюисманса, с трапистами, с последователями разных новых течений в области религиозных исканий до сатанистов с их черными мессами включительно.

В числе ее новых знакомых, принадлежавших по большей части к интернациональной светской молодежи, оказалось несколько горячих последователей «сатанизма». Эти господа не жалели усилий для того, чтобы представить сатанизм новой религией, победоносно идущей на смену «устаревшему» христианству и имеющей целью упразднить христианскую мораль, единственное назначение которой они видели только в том, что она «мешает счастью людей».

Вообще религия, этика, политика, мораль, общественность — все расценивалось молодыми эстетамы с точки зрения красоты и наслаждений, как единственного и непреложного критерия, игравшего в их глазах роль «категорического императива» Канта. Тут все было ново и неожиданно для молодой девушки, большую часть своей жизни прожившей в провинции, в тиши помещичьей усадьбы и только две-три зимы проведенной в Москве.

Немудрено, что господа «сатанисты» показались ей «такими смелыми, такими гордыми», а их стремления к неизведанным еще впечатлениям, их жажда пережить настроения и ощущения, которые «не испытывались еще никем из людей», казались ей такими красивыми. Их рассказы — сдержанные и осторожные — о таинственных «черных мессах», которые в глубоком секрете устраиваются парижскими сатанистами, заинтересовывают молодую девушку. Она стремится поближе подойти к новому явлению, поразившему ее воображение.

Но как только завеса таинственности открылась перед ней, низменная идеология сатанистов не могла не оттолкнуть ее от себя. Для молодой девушки стало совершенно ясно, что сатанизм — в сущности только грубая лубочная пародия на религию, что это религия *наизнанку* и что «черная месса» сатанистов — не что иное, как нелепая игра и профанация, возмутительная для всякого сколько-нибудь религиозного человека.

Разочарование росло. Чем ближе знакомилась она с сверхчеловеками, не признававшими ничего, кроме «культы красоты», чем внимательнее присматривалась она к ним, тем все сильнее росло ее чувство антипатии к ним.

«Смелые и гордые» ницшенианцы сплошь и рядом оказывались в жизни такими мелкими, беспринципными, ничтожными людишками. Жадные до всего экстравагантного, они в погоне за «неизведанными наслаждениями» проявляли крайнюю, неразборчивость в средствах и полную эмансипацию от всяких требований морали... В результате неприятный, горький тяжелый осадок остался на сердце девушки от всех этих встреч, от всех знакомств.

Потянуло в Россию. Соскучились по русской провинции, по русской интеллигенции, по своей родной усадьбе с ее уютом и «традициями». К скорейшему возвращению в Россию властно призывали и сильно расстроившиеся финансы, и пошатнувшееся экономическое положение семьи. Вернувшись в Россию, они поселились в своем имении, а зимы стали проводить в Москве.

Два года назад Ксения Владимировна вышла замуж за своего соседа по имению, местного земского деятеля Гончарова, «умеренного

прогрессиста», который пользуется в губернии репутацией хорошего опытного хозяина и страстного спортсмена... Была ли она счастлива, — я не знаю, мнения же ее родных на этот счет были различны.

В последнее время у нее появились новые интересы жизни в связи с ее выступлением на литературно-художественном поприще. Недавно вышедшая в свет книжка ее рассказов, в которой она тонко затрагивала религиозно-этические проблемы, не прошла незамеченной и вызвала несколько сочувственных отзывов в печати со стороны рецензентов, которые, как я могу свидетельствовать, ни в родстве, ни в дружбе с автором не состояли. Книжка охотно покупалась. Этот успех значительно окрылил Ксению Владимировну, и теперь она с увлечением отдалась разработке плана большой повести, в которой главное место отводится представителям современных религиозных исканий и, между прочим, разным «старцам», «пророкам», «прозорливцам», юродивым и т.д. В этих видах она часть зимы 1914 года провела в Петрограде, живя в семье своего двоюродного брата, видного петроградского чиновника, делающего быструю карьеру в одном из наших ведомств.

Возвращая мне мои материалы, г-жа Гончарова высказала, что ее особенно интересует личность «старца» и «пророка» Григория Распутина, о котором она слышит со всех сторон и относительно которого она нашла в моих материалах много сведений, исходящих как от его почитателей, так и от его врагов. В обществе о «старце-пророке» создаются и распространяются целые легенды. Он становится исторической фигурой.

— Вы знакомы с ним лично? — спросила она меня.

— Нет, до сих пор я лично с ним не знаком.

Мой ответ, видимо, опечалил молодую даму.

— Ах, как жаль, что вы не знаете его лично, — сказала г-жа Гончарова. — Признаюсь вам, я рассчитывала, что вы поможете мне познакомиться со старцем.

— Познакомиться с «пророком» очень нетрудно, — заметил я. — Было бы желание.

— Каким образом? — оживилась моя собеседница. — В таком случае я очень прошу вас устроить мне это знакомство.

— А как отнесутся к этому ваши родные? — спросил я.

Госпожа Гончарова сделала удивленное лицо и пожала плечами.

— Я человек взрослый и самостоятельный, мои действия не подлежат контролю родных, — сказала она тоном, в котором вновь зазвучало чувство обиды.

— Однако... — начал было я, но она тотчас же перебила меня.

— Извиняюсь... Но я не думаю, чтобы мои родные имели что-нибудь против моего знакомства со старцем, который заставляет говорить о себе всю Россию от мала до велика. Его выводят в романах, повестях, рассказах. Им интересуются и за границей. Для меня он представляет интерес как литературный тип, яркое, красочное пятно на фоне нашей общественности.

— Но согласитесь, что в данном случае могут быть различные взгляды, различное отношение, — возразил я. — Не забывайте, что «старец» в широких кругах пользуется слишком определенной репутацией. А среди интеллигенции о нем нет двух мнений, — сказал я, старательно подчеркивая последние фразы.

— Позвольте, но сами вы лично находите что-нибудь предосудительное в знакомстве со «старцем»? — спросила меня г-жа Гончарова тоном экзаменатора.

— Во всяком случае, я не рекомендовал бы лично знакомиться с ним молодым дамам и барышням, особенно с приподнятой нервной системой, мятущимся, наклонным к экзальтации.

— Благодарю вас, — с явной иронией заметила г-жа Гончарова, — очевидно, вы и меня зачислили уже в рубрику экзальтированных, мятущихся дам.

— Простите... я говорю вообще... Вы знаете, что наш век не напрасно считается *нервным* веком. И это особенно применимо к прекрасной половине человеческого рода, как находящейся в гораздо более худших условиях жизни — общественных, правовых, политических и т. д.

— Значит, вы решительно отказываетесь содействовать моему знакомству с «прозорливцем»?

— Решительно... до тех пор, конечно, пока я не узнаю, что ваши родные ничего не будут иметь против вашего личного знакомства с Распутиным.

— Хорошо, — немного подумав, сказала г-жа Гончарова. — Я переговорю со своими родными по этому поводу и завтра же сообщу вам по телефону об их решении. Вы позволите?

— Пожалуйста.

На другой день г-жа Гончарова сообщила мне, что ее родные не только ничего не имеют против ее знакомства со «старцем», но, наоборот, просят меня посодействовать этому знакомству, так как признают, что оно необходимо ей для задуманной ею повести из жизни современного общества.

— Теперь ваши сомнения отпадают? — слышу я торжествующий голос Ксении Владимировны.

— О да, конечно. И в доказательство этого я могу сейчас же сообщить, что вам следует предпринять для достижения вашей цели... Вы слушаете?.. Как-нибудь утром, около 9 или 10 часов, не позднее, позвоните по телефону № 00–00. Запишите. Это телефон Распутина, вы найдете его в телефонной книжке. Скажите ему, что вы желали бы повидать его, чтобы посоветоваться по одному делу. Этого будет достаточно вполне. «Прозорливец» очень любит новые знакомства, особенно дамские. Не сомневаюсь, что ваше контральто сразу же расположит его в вашу пользу. А какое дело, какой совет, — это вы уже сами придумаете лучше меня. Попросите его назначить время, когда вы можете застать его. Адрес «старца»: Английский проспект, дом 3, кв. 10.

— Большое вам спасибо. Я завтра же позвоню к нему. И о результате непременно сообщу вам. До свидания!..

II

Первый визит

На другой день, около двух часов, звонят по телефону.

— Кто говорит? — спрашиваю я.

— Ксения Владимировна.

— Здравствуйте! Что нового?

— Нового у меня немало. Я сегодня была у «старца».

— Вот как! Поздравляю вас. Вы не теряете времени напрасно.

— Мне хотелось бы поделиться с вами своими впечатлениями.

Могу ли я застать вас сегодня, в семь часов вечера?

Я отвечал, что буду ждать ее.

Когда в семь часов г-жа Гончарова приехала ко мне, я попросил ее рассказать о ее свидании с «прозорливцем» возможно подробнее.

— Я воспользовалась вашим советом, — начала г-жа Гончарова, — и сегодня утром, в десятом часу, позвонила к Распутину. Сначала говорила его прислуга, а затем к телефону подошел он сам. Я сказала, что желала бы повидать его, чтобы поговорить и посоветоваться с ним. Он сказал: «Ну, что ж, приходи». — Когда же? — спросила я. — «Да хоть сейчас».

Я не заставила себя ждать, тем более что автомобиль брата был свободен и я могла им воспользоваться. Через полчаса я была уже в квартире «прозорливца».

Большая квартира, хорошо обставленная, мебель в декадентском стиле. Меня встретила прислуга, довольно пожилая женщина, которая и провела меня в комнату, играющую, по-видимому, роль приемного зала.

Тут, в ожидании выхода «старца», сидели просители. Их было четверо — трое мужчин и одна бедно одетая, болезненного вида, девушка. Я очень внимательно осмотрела их.

Из мужчин обращал внимание на себя представительный господин в безукоризненном костюме. Я тотчас же решила про себя, что это какой-нибудь вице-директор, а может быть, и директор департамента или что-нибудь в этом роде. На журфиксах у брата я часто встречаю господ этого ранга и потому привыкла почти безошибочно угадывать их служебное положение на иерархической лестнице.

Недалеко от него глубоко в кресле сидел какой-то инженер-путеец со значками и орденами, по-видимому, железнодорожник. У него был до крайности сосредоточенный и озабоченный вид. Не обращая ни на кого ни малейшего внимания, он, казалось, весь ушел в свои мысли.

Наконец, рядом с дверью помещался на конце стула господин средних лет, провинциального облика, одетый в старый, потертый сюртук. Он то и дело пугливо и трепетно оглядывался на дверь, в которую должен был войти «прозорливец».

Но вот и он сам. Неслышно ступая ногами, обутыми в туфли, в зал вошел Григорий Ефимович.

На нем была рубашка ярко-лилового цвета, — настолько яркого, что, глядя на нее, глазам становилось больно. Пояс с кистями. Лицо серое, с морщинами вокруг глаз. Темные волосы подстрижены в скобу. Борода — мочалкой.

Он начал обходить посетителей.

— Ты чего? — спросил он сидевшего около дверей бедно одетого господина, который при входе «пророка» быстро вскочил с места и отвесил ему низкий поклон.

— С просьбой, Григорий Ефимович, с покорнейшей просьбой... Сделайте божескую милость, войдите в мое несчастное положение...

— Ну, ну, говори, в чем дело? — торопил Распутин.

— Окажите протекцию... Служил я по Министерству народного просвещения, но сейчас нахожусь без должности... Замолвите словечко.

— Просвещение... просвещение... не люблю я этих просвещенцев, — не довольным тоном говорил «прозорливец», испытующе поглядывая на стоявшего перед ним в раболепной позе просителя.

— Семья, Григорий Ефимович... А жить совершенно нечем. Заставьте вечно Бога молить за вас. Ведь вы все можете. Одно ваше слово...

— Ну, ладно, ладно... подожди, я подумаю, а может, напишу тебе, — сказал Распутин и обратился ко мне. — Это ты сейчас звонила ко мне?.. Как, бишь, твое имя? — спросил он, заглянув мне прямо в глаза.

— Ксения Влади... — начала было я, но он тотчас же перебил меня.

— Да, да, Ксения... Ксения... У меня уже есть одна Ксения... Так, так. Проводи ее в мою особенную, — сказал «старец», обращаясь к проходившей в ту минуту прислуге.

— Пожалуйте, барышня, — сказала та, обращаясь ко мне.

Я пошла за прислугой, которая через коридор провела меня в небольшую комнату и сказала:

— Посидите здесь. Отец Григорий сейчас придут. Оставшись одна, я с изумлением осмотрела обстановку «особенной»; очевидно, эта комната служила и спальней, и в то же время кабинетом для Распутина. Тут стояла кровать и умывальный столик; последний отличался самым примитивным устройством. В простенке между окнами стоял стол, на котором в беспорядке были разбросаны письма и телеграммы.

Особенно много было телеграмм; две из них лежали на краю стола около того места, где я сидела. Мне бросились в глаза крупные слова, которыми начиналась одна из таких телеграмм: «Отец Григорий». Чтобы не соблазняться, стараюсь не смотреть на письменный стол.

Сижу в ожидании «пророка» и рассматриваю в подробностях его «особенную». Взгляд скользит по стенам, по мебели; забывши о своем решении, взглядываю на письменный стол, и в глаза невольно бросается подпись, стоящая под лежавшей сверху телеграммой: «Княгиня NN». Громкая, историческая, известная всей грамотной России фамилия.

«Очевидно, здесь не делают секрета из телеграмм; быть может, даже намеренно афишируют их», — подумалось мне. И, подавив в себе внутренний голос, который не переставал протестовать, я заглянула в телеграмму. Она была городская и состояла из нескольких строчек:

«Просим глубокоуважаемого Григория Ефимовича быть приемником нашего малютки. Не откажите пожаловать к нам завтра, пятницу, пять часов».

Так писала титулованная поклонница Распутина, носительница исторической фамилии, представительница рода Рюриковичей.

Признаюсь, сильнейшее желание неудержимо влекло меня посмотреть и другие телеграммы, лежавшие на столе. Мне казалось, что эти телеграммы могли бы сразу пролить яркий свет на личность «пророка» и на те причины, которыми вызывалось непонятное, но, несомненно, огромное влияние его, его значение в высоких общественных кругах.

Искушение было слишком велико. Однако внутренний протестующий голос, которому претило столь грубое нарушение элементарнейшего правила житейской морали, взял верх над соблазном, и, чтобы

не подвергать свою волю новому испытанию, я переменила место и перешла подальше от соблазнявших меня телеграмм.

Я чувствовала себя крайне взволнованной; мне казалось, что лицо мое пылало.

«Если он прозорливец, если он действительно обладает сколько-нибудь тонким психологическим чутьем, он сразу должен понять то, что сейчас произошло здесь», — подумала я.

Через несколько минут дверь отворилась, и вошел Распутин. Он по-прежнему был в туфлях и рубашке. Подойдя ко мне, он взял стул и сел как раз против меня.

— Все народ, — сказал он, — не дают поговорить.

Он пристально посмотрел на меня и придвинул свой стул еще ближе ко мне. При этом он вдруг коснулся моих ног и даже слегка стиснул их своими ногами.

Возмущенная этим, я быстро отодвинулась на своем стуле и с негодованием посмотрела на него.

Но он, по-видимому, нисколько не смутился этим и тотчас же снова придвинулся ко мне на своем стуле, хотя уже и не пытался более прикасаться ко мне.

— Ты чего серчаешь? — сказал он спокойным тоном. — Вишь, какая бедовая... А ты не сердись... О чем хотела поговорить со мной?

Я не сразу ответила, так как от волнения не могла собраться с мыслями. Пауза.

«Пророк» сидит и детально рассматривает меня своими зелеными глазами, окруженными целой сетью морщин.

— Давно была на исповеди? — спрашивает он.

— Давно.

— Неловко это, негоже, — говорит «прозорливец» нравоучительным тоном.

Я хотела возразить, так как по вопросу о частных и периодических покаяниях я много думала и у меня сложилось по этому поводу определенное мнение.

Но Распутин вдруг наклоняется ко мне и неожиданно проводит своей рукой по моему лицу, шее и груди.

Этот жест снова возмутил меня. Я опять резко отодвинулась от него и бросила ему сурово и строго:

— Что вы делаете?! Как вы смеее так держать себя?

— А какие у него руки? — в свою очередь спросил я г-жу Гончарову.

— Неприятные... какие-то корявые...

— Еще один вопрос, — продолжал я. — Конечно, «жесты» Распутина, о которых вы рассказываете, возмутительны и недопусти-

мы. Об этом, разумеется, не может быть двух мнений. Это ясно само собой. Но все-таки, если не для оценки его личности, то для выяснения причин его непонятного поразительного влияния, чрезвычайно важно знать побуждения и мотивы, которыми он руководствуется в подобных случаях или которыми он старается, по крайней мере, оправдать свои действия в глазах других людей. Вообще необходимо было бы знать, действует ли он в этих случаях, как циник, как грязный, грубо чувственный человек, или же, скажем, как убежденный знахарь, как врач-гипнотизер или врач-массажист, который верит в силу своих пасс, своего массажа?

Мне показалось, что мой вопрос явился несколько неожиданным для г-жи Гончаровой; по-видимому, она не допускала даже возможности рассматривать действия «пророка» с точки зрения врача или знахаря.

— Признаюсь вам, — сказала она, — я была так возмущена приемами обращения со мной «старца», неприличием его «жестов», что мне и в голову не пришло анализировать его побуждения в этом случае. Для меня в тот, по крайней мере, момент его мотивы не возбуждали никакого сомнения.

— Простите, что я перебил вас... Продолжайте, пожалуйста... Что же «прозорливец»?

— Как ни в чем не бывало! Ты, говорит, напрасно серчаешь... А ты не сердись. Я завсегда, говорит, одинаково ласков... Со всеми ласков.

В эту минуту вошла прислуга.

— Вас спрашивают, — сказала она, обращаясь к «пророку».

— Кто такой? — недовольным тоном спросил старец.

— Адмирал Надолбин*.

— Пуцай подождет! — насупившись, кинул «отец Григорий».

Прислуга молча уходит.

Все то, что произошло, подействовало на меня настолько охлаждающим образом, что у меня вдруг пропало всякое желание говорить с «прозорливцем» на темы духовного и религиозного характера. Но так как он снова заговорил о необходимости возможно чаще «прибегать к исповеди и покаянию», то я сочла нужным высказать ему свой взгляд по этому поводу.

Меня всегда возмущала мораль, которую можно формулировать словами: «погреси, да покайся». По моему убеждению, такой взгляд как бы заранее подготавливает новые падения и, таким образом, неизбежно ведет к нравственной деморализации.

* Адмирал Небольсин.

Эту идею я и развила перед «старцем», стараясь, конечно, говорить языком, понятным ему, тщательно избегая всяких иностранных слов. Тем не менее он, по-видимому, все-таки не понял меня, так как в доказательство справедливости своей мысли начал приводить разные избитые, затасканные попами доводы.

В комнату быстро вошла прислуга и сказала «пророку»:

— Вас к телефону зовут.

— Откудова?.. Кто такой? — спросил Григорий Ефимович.

— Елена Алексеевна, из Z.

Прислуга назвала один из ближайших уездных городов Петроградской губернии*. Распутин поспешно встал и, сказав мне: «Сделай милость, подожди минутку... я сейчас», вышел из комнаты.

А меня сверлил вопрос: в чем же, в чем же сила этого грубого, невежественного, неотесанного человека? Где причина огромного, паразитического влияния, которое он оказывает на людей самых различных общественных положений, особенно на женщин?

Вернувшись через несколько минут, «старец» выразил желание продолжать беседу, но я не чувствовала расположения к этому и, находя, что для первого раза достаточно, начала прощаться.

Распутин выразил сожаление, что я уйду, признался, что я ему очень понравилась, — он повторил это два или три раза, — и просил меня непременно снова посетить его, и притом «поскорее».

Когда я уходила, он провожал меня. Идя по коридору, он снова сделал попытку «погладить», или помассажировать меня, причем провел своими руками по моим плечам, рукам и спине. В его движениях на этот раз мне почудилось что-то явно гадкое, грязное, циничное.

Это снова возмутило меня до глубины души. Я приостановилась и очень грозно окрикнула его:

— Меня возмущает ваше обращение!

Он молча стоял передо мной, неподвижной и непроницаемой. Выражение его глаз я не смогла видеть. Но мне показалось, что он скрипнул зубами. Затем что-то невнятно пробормотал.

Я с презрением отвернулась от него и поспешила поскорее выскочить из его квартиры. В душе я уже давала себе слово больше никогда не переступать этого порога.

Придя домой, я тотчас же умылась одеколоном и не скоро могла успокоиться...

Слушая г-жу Гончарову, мне одну минуту хотелось сказать ей: «А-а, пеняйте на себя, сударыня, вас предупреждали, но вы и слушать не хотели».

* Царское Село.

Но, конечно, я этого не сказал. Молчала и г-жа Гончарова, видимо снова обдумывая и взвешивая пережитые впечатления.

— Теперь, когда я хладнокровно перебираю в памяти все, что произошло, — начала она, — я вижу, что поступила слишком по-женски, слишком поддалась раздражению. Меня возмутило и взорвало, что какой-то корявый мужик... «гладит» меня по лицу, по спине, ощупывает мой корсет... И я совсем забыла о тех целях и задачах, которые себе поставила... Да, так нельзя. Иначе никогда не раскрыть, не разгадать ту психологическую шараду, какую представляют собою поклонницы и почитательницы этого «пророка»... Неужели тут только одна ложь, одна ложь, одна грязь?.. Я этого не могу допустить, не могу допустить, чтобы, идя таким путем, путем обмана и лицемерия, можно было покорять людей, увлекать их, подчинять их своему влиянию в течение долгих лет... Поэтому отныне я даю себе слово заpastись хладнокровием, вооружиться терпением и употребить все усилия, чтобы разрешить эту психологическую загадку...

Я заметил своей собеседнице, что, кроме психологической стороны, тут есть *общественная* сторона, которая в истории похождения загадочного «старца» имеет огромное значение и потому непременно должна быть освещена и выяснена.

III

Мистик или эротоман?

Прошла неделя. Заехав как-то ко мне, г-жа Гончарова рассказала о том, что произошло за это время. Оказалось, что в течение этой недели она два или три раза побывала у «пророка».

— Хотя в последний раз, — говорила она, — я очень решительно заявила о своем желании непременно продолжать знакомство с Распутиным, тем не менее я не спешила воспользоваться его приглашением посетить его. Претило как-то. Воспоминание о его попытках «гладить», «массажировать», нащупывать корсет каждый раз во мне поднимало такое острое чувство возмущения и негодования, что я решительно не в силах была заставить себя снова поехать к нему...

Как-то рано утром я была еще в постели, когда горничная вошла и сказала, что меня зовут к телефону.

Было всего около восьми часов утра. Я удивилась, кто так рано мог звонить ко мне.

Беру трубку и слышу глухой мужской голос:

— Это ты, Ксения?

Удивленная, я спрашиваю, кто у телефона? Тот же глухой голос продолжал:

— Что же ты, душка, не приходишь ко мне?

Слово *душка* ударило, ошеломило меня, я чуть удержалась на ногах. Хотела бросить трубку, но в тот же миг вдруг догадалась, что это говорит Распутин.

— Я соскучился о тебе, — продолжал тот же глухой голос. — Отчего ты так долго не была у меня?

Я не была у него ровно три дня. Это показалось ему слишком «долго».

— Приходи, я буду тебя ждать.

— У вас кто-нибудь есть? — спросила я, не зная, что сказать.

— Есть кое-кто... Не много.

Затем, очевидно, сосчитывает своих посетителей и говорит:

— Пятеро.

Я сказала ему, что собираюсь посетить его на этих днях.

Распутин начал усиленно просить, чтобы я приехала к нему в тот же день. Я пообещала.

В этот раз мне удалось довольно долго говорить с ним, хотя по временам нашу беседу и прерывали доклады прислуги о приезде тех или иных посетителей и вызовы его к телефону. Хотя я и старалась наводить разговор на интересующие меня темы, но это не особенно удавалось мне, так как «пророк», видимо, предпочитал говорить о том, что занимало его лично.

Я должна сказать, что эта беседа сильно разочаровала меня в Распутине, так как он не обнаружил в ней ни особого ума, ни чуткости, ни начитанности в Священном Писании, ни энтузиазма и пафоса, которыми обыкновенно говорят искренно верующие люди, мистики, проповедники религиозных идей, которые им дороги и святы.

Точно так же и в споре со мной «пророк» не обнаружил никакой находчивости. Иногда он пытался ссылаться на Евангелие, но при этом ни одного текста не мог привести как следует: все ошибался, путал, передавая слова Писания крайне неточно, с явным искажением смысла. Я должна была то и дело поправлять его. В споре он был очень сдержан, — настолько, что мне все время казалось, что он чего-то недоговаривает, о чем-то намеренно умалчивает, что-то скрывает.

На мои расспросы он между прочим сказал мне, что 30 лет ходит по земле, ищет Бога.

— Ну, и что же, нашли? — спросила я.

— Нашел... Бог в духе.

— В каком духе? Что это значит?

— Это тайна.

Вообще он любит ссылаться на тайну. Во время нашей беседы разговор, между прочим, не раз касался любви.

— Любовь — одна хмара, — говорил «старец». — Только та любовь хороша, когда ты любишь и своей любовью человека к истине приводишь.

— А что такое истина по-вашему? — спросила я.

— Истина — в тайне, — загадочно отвечал «пророк».

«Играет словами или скрытничает», — подумалось мне.

— А ты в любовь веришь? — спросил Распутин.

— Конечно, верю, но ведь разные люди различно понимают любовь, и у разных людей она проявляется различно. Ведь и вы говорите, что одна любовь — хмара, а другая — истинная.

Но «пророк», по-видимому, совсем не давал себе труда вникать в мои слова, не обращал никакого внимания на мои замечания и оговорки; он продолжал твердить свое:

— В любовь надо верить: весь мир в любви... Без любви ничего не уделаешь... Вот я тебя шибко полюбил... Во как! Ты теперь во мне, в моей душе сидишь... А ты меня не хочешь любить.

— Я не знаю, о какой любви вы говорите. Если вы говорите о той любви, которая выражается в ваших ласках, то она мне совсем не нужна. И ваши ласки мне не нужны... Слышите вы?

— Ты все о теле думаешь, — возражал Распутин. — А тело — преграда для души. Нужно о душе заботу иметь, а мы все больше о теле думаем, — опять наставническим тоном произнес он.

Подумав немного, он продолжал:

— В моих ласках — большая тайна... Мужчины всегда думают только о себе и о своем теле. А я только вполовину и для духа... Я даю людям такое большое счастье, но ты сама не хочешь этого... Пока ты не захочешь, я ничего не могу сделать для тебя.

«Пророк» говорил это со значительным видом, но для меня смысл его слов был темен и непонятен. При этом мне вспоминались те женщины из низов и верхов нашего общества, — поденщицы, крестьянки, графини, княгини, фрейлины, — которые слепо идут за этим темным человеком, которые считают его святым, пророком, живым Богом.

— Чем он покори́л их? Что они нашли в нем? — с изумлением спрашивала Ксения Владимировна, пожимая плечами.

— Вам нужно поближе познакомиться с последовательницами «пророка», — сказал я, — поближе сойтись с ними, — только

тогда вы можете уяснить себе природу и характер их увлечения, их психологию.

— Я непременно сделаю это при первой возможности, — заметила г-жа Гончарова.

— Замечаете ли вы в Распутине способность к гипнозу? — спросил я свою собеседницу.

— Лично я не испытываю ни малейшего влияния «пророка» на мою волю. Между тем в моей жизни приходилось обращаться к гипнотизерам и в Москве, и в Петрограде, и тогда я довольно легко поддавалась влиянию гипноза.

Другой вопрос, который меня сильно интересовал, был вопрос об источниках существования Распутина, о его экономическом и материальном положении. Как известно, «пророк» не сеет, не жнет, но в житницу собирает. И собирает, можно сказать, чрезвычайно успешно.

Хозяйства он не ведет, никаким производительным трудом не занимается, никакого заработка, никакой службы у него нет. И тем не менее благосостояние его быстро растет, достаток и средства увеличиваются чуть ли не с каждым днем. Его дом в селе Покровском — полная чаша; комнаты устланы дорогими, прекрасными коврами; много ценных вещей... Откуда эти средства? Каким путем они притекают к нему?.. Говорят, все это — подарки высокопоставленных особ. Правда ли это?

Я любопытно узнал от Ксении Владимировны, не просил ли ее о чем-нибудь Распутин.

Нет, оказывается, не просил.

— Только раз как-то он сказал мне: «Вышей мне рубашку. Мне хочется иметь рубашку, вышитую твоими руками». Я ответила, что очень плохо вышиваю. Он сказал:

— Ничего, от тебя всякая будет хороша.

— А как держал себя «пророк» с вами во время последних свиданий? — спросил я.

— Несмотря на то, что наш разговор имел все время характер деловой беседы, «старец» от времени до времени все-таки возобновлял свои попытки «погладить» и «помассажировать» мои плечи и грудь, но, наученная опытом, я в тот же момент, при первых движениях его руки, давала ему быстрый и резкий отпор, после чего он съежился, а в его глазах загорались злые огоньки.

В эти минуты я не раз отчетливо слышала, как он скрипел зубами.

— Вообще его обращение, его «ласки» возмущают меня. Они противны и непереносимы для меня. Но он явно не считается с моим негодованием, игнорирует его. В последний раз, — это было вчера, —

когда я приехала к нему по его просьбе, он, видимо, был очень рад моему появлению. Но тотчас же после того, как я поздоровалась с ним, он вдруг выпалил:

— Поцелуй меня!

— Вы с ума сошли? С какой стати? Как вы смеете это говорить мне!

А он, как ни в чем не бывало, продолжает:

— Постой, постой... Ишь ты какая... Ну, ладно, коли ты не хочешь меня поцеловать, то давай я тебя поцелую. — И наклоняется, чтобы поцеловать меня, тянется к губам. Я, конечно, отстраняюсь от него, но он все-таки успевает, хотя вскользь, прикоснуться своими губами к моему лицу... Отвращение!..

— По-видимому, Распутин не на шутку увлечен вами, — сказал я.

— Со своей стороны я ничего для этого не сделала и всего менее этого желаю.

— Конечно, это произошло помимо вашего желания... Помните, Тургенев говорил, что никто не увлекается так быстро, как бесстрастные люди... Вам предстоит нелегкий труд разобраться в этом диком конгломерате мистицизма, эротомании и политики, распутать этот клубок религиозных порывов и половых, сексуальных эмоций, переплетающихся с реакционными вожделениями и заданиями.

— Вчера, — говорила г-жа Гончарова, — он два раза сказал мне: «Полюбила ты мне шибко...»

— Я сухо отвечала ему, что не понимаю его любви, не понимаю того влияния, какое он оказывает на людей, особенно на женщин, не понимаю, что находят в нем его почитательницы, которых я считаю психически больными и о которых я от души сожалею. Он выслушал меня и затем сказал:

— Все поймешь, Ксения, все тебе объясню... только приди ко мне ночью.

Я не верила своим ушам. Едва сдерживая себя, я сурово и строго спросила его:

— Вы, кажется, бредите?.. Что такое вы говорите? Как ночью?..

— Ну, вечером, попозднее... так часиков в одиннадцать, — говорил Распутин. — А то днем-то все народ — мешают... не дают поговорить, в телефон звонят.

— Вы говорите вздор. В одиннадцать часов меня и родные не пустят.

— Ну, ладно, в десять, приходи в десять, только не раньше. Я буду ждать тебя в субботу, послезавтра, стало быть. Только смотри — непременно приезжай.

Тогда я сказала, что я постараюсь приехать, если не встретится каких-нибудь препятствий.

Ксения Владимировна замолчала.

— Ну, и как же вы решаете теперь, — спросил я после некоторой паузы г-жу Гончарову, — поедите или не поедете завтра к «пророку»?

— Решила ехать, — сказала она.

Я вопросительно поглядел на нее.

— Во-первых, мне не хочется, чтобы он подумал, что я боюсь его. Даже в физическом смысле он представляется мне ничтожным человеком: небольшого роста, развинченный какой-то. А, во-вторых, мое любопытство затронуто в высшей степени. Быть может, и в самом деле завтра мне удастся раскрыть ту тайну, которой этот загадочный субъект обязан своим влиянием. Физического насилия с его стороны я не опасаюсь уже по одному тому, что чувствую себя слишком сильной... Да, да, не удивляйтесь; я долго занималась гимнастикой и спортом, систематически развивала свои мускулы и потому совершенно уверена в том, что даже при столкновении с ним победа будет на моей стороне. Наконец, я могу взять с собой револьвер. А я прекрасно стреляю.

Конечно, все это показалось мне чересчур наивным и фантастичным. Я начал зло подтрунивать над отважной спортсменкой и над ее воинственными планами, убеждая ее отказаться от рискованного посещения.

К удивлению моему, г-жа Гончарова упорно отстаивала свое решение ехать к Распутину завтра вечером. На этом мы и расстались. Это было в пятницу на Масленице.

На другой день около полудня Ксения Владимировна телефонировала мне: «Мой план потерпел крушение, и я снова принуждена обратиться к вам с большой просьбой. Мне необходимо видеть вас. Могут ли я сегодня застать вас около двух часов?»

Я отвечал, что буду ждать ее.

Приехав ко мне, г-жа Гончарова сообщила, что ее брат и belle Sœur решительно воспротивились тому, чтобы она отправилась одна к Распутину вечером.

— Так поздно... одна... это совершенно невозможно, — говорили они. — «Старец» может услатить свою прислугу, и, таким образом, ты чуть не ночью очутишься с ним с глазу на глаз в пустой квартире. Это недопустимо, это немыслимо, особенно при его странностях, при его неумении держать себя корректно, — и т. д.

— Конечно, в душе я не могла не сознавать, что они в значительной степени были правы. Разумеется, я совсем не желаю идти на какую-нибудь грубую, безобразную сцену. И это заставило меня согласиться с моими родными.

Однако в то же время мне отнюдь не хотелось отказаться от мысли посетить «старца», не хотелось уклониться от его настойчивого приглашения, так как я надеюсь, что это свидание может много уяснить мне из того, что остается для меня загадкой.

— Тогда я вспомнила о вас, — продолжала г-жа Гончарова, — и высказала свое предположение, что, быть может, вы не откажетесь сопровождать меня сегодня к «пророку». Мои родные сейчас же ухватились за эту мысль. Таким образом, вопрос о том, поеду я сегодня к Распутину или нет, всецело зависит от вас. Конечно, вы очень обязали бы меня, если бы согласились вместе со мной поехать вечером к «пророку».

— Вы даете мне очень редкий случай понаблюдать знаменитого «прозорливца» при весьма необычной, почти интимной обстановке. Понятно, что я с удовольствием готов воспользоваться вашим предложением, — отвечал я.

— Значит, едем! — с видимым удовольствием сказала моя собеседница.

Вечером, без четверти десять, мы сели на извозчика. Ксения Владимировна сообщила мне, что час назад Распутин по телефону снова ей напомнил, что он ждет ее, и просил не опоздать.

— Воображаю, какую физиономию скроит «отец Григорий», когда увидит, что вы не одна! — говорю я своей спутнице.

Ксения Владимировна весело смеется, прикрывая лицо большой модной муфтой.

— Он не простит вам такого коварства, — продолжаю я. — Вообще, нужно признаться, что на этот раз у нас с вами очень мало шансов рассчитывать на любезный прием со стороны «пророка». Особенно у меня.

— Вы правы. Но тем интереснее ваше положение как наблюдателя и исследователя.

Подъезжая к Английскому проспекту, я спросил г-жу Гончарову:

— А что вы скажете, если «старец» по своей прозорливости сразу разгадает наш заговор? Согласитесь, что для этого не потребуются особенно большой проницательности.

— Не верю я в его прозорливость! — сказала моя спутница, сходя с извозчика и направляясь в ярко освещенный подъезд.

Дом, в котором жил тогда «пророк», был новый, благоустроенный, в «декадентском», или, точнее, в новоскандинавском стиле. Швейцар суетливо усаживает нас в комфортабельный лифт.

Едва успела Ксения Владимировна прикоснуться к электрической кнопке звонка, как дверь уже открылась. Открыл сам «старец». Очевидно, заслышав поднимающийся лифт, он ждал в передней, около самой двери.

Первой вошла г-жа Гончарова, за ней — я. Я видел, как лицо «пророка» при моем появлении вдруг потемнело, и он молча отступил на несколько шагов в глубь передней — большой комнаты, освещенной электричеством.

Он был в поддевке тонкого сукна и лакированных высоких сапогах.

Ксения Владимировна с непринужденностью светской дамы начала говорить о том, что ее родные не хотели отпустить ее одну в такое позднее время и просили меня сопровождать ее.

Распутин, заметно насупившись, — хмурый, мрачный и неподвижный, — продолжал молчать, глядя исподлобья то на меня, то на мою спутницу. От этого упорного молчания мне становилось неловко, хотя в душе я чуть удерживался от смеха. В то же время Ксения Владимировна, видимо, не чувствовала ни малейшего смущения, быстро раздеваясь и оправляя свою прическу.

Наконец «о. Григорий» собрался с духом; очевидно, поняв, что дальнейшее молчание невозможно, он открыл дверь с левой стороны от входа и глухо и отрывисто проговорил:

— Прошу покорно!

Это было сказано холодным, сухим, официальным тоном, в котором нетрудно было уловить ноты плохо скрытого раздражения.

Мы входим в комнату продолговатой формы, посередине которой стоял большой стол, уставленный роскошными корзинами чудных живых цветов. В воздухе пахло ландышами, которых тут было особенно много. Приятно дышать ароматом ландышей в феврале месяце.

Кроме цветов, на столе стояли: вазы с фруктами, кондитерский торт, банка с вареньем и бутылка вина, завернутая в тонкую, цветную бумагу, очевидно только что принесенная из магазина.

«Цветы, фрукты и вино! — невольно подумалось мне. — Обстановка точь-в-точь как у Мопассана, когда он описывал интимные свидания своих пылких героев и героинь».

Но что я вижу?.. Распутин, как только вошел в комнату, тотчас же направился к столу и, стараясь это сделать незаметно для нас, взял бутылку, завернутую в тонкую розовую бумагу, и вышел в соседнюю комнату. Через минуту он вернулся к нам уже без бутылки.

Очевидно, вино теперь было уже не нужно и его необходимо было припрятать.

Я видел, как моя спутница кусала себе губы, чтобы не расхохотаться.

Выражение лица Распутина, темного и волосатого, с широкими чувственными губами, по-прежнему было сдержанное и недовольное.

Но о вечере, проведенном нами у «пророка», — в следующей главе.

IV Вечер у Распутина

— Да у вас здесь целый цветник! — воскликнула Ксения Владимировна, подходя к стоявшему посередине комнаты длинному столу, на котором были расставлены корзины с цветами. — Какая прелесть!.. Какие чудные цветы у вас, Григорий Ефимович, — восторгалась она, любуясь благоухавшими ландышами, розами, гиацинтами и вдыхая их аромат.

— Мм... да... ничего цветочки, — мямлил «старец», подвигаясь вслед за гостьей. Он по-прежнему держался очень сдержанно и, видимо, продолжая дуться. Больше молчал, ограничиваясь краткими репликами на вопросы Ксении Владимировны.

Раза два, под какими-то предлогами он выходил даже из комнаты, оставляя нас одних.

Возвращаясь, он подозрительно взглядывал то на Ксению Владимировну, то на меня и продолжал хмуриться.

— Вы, должно быть, очень любите цветы? — говорила Ксения Владимировна.

— Кто? Я-то?.. Не!.. Ни к чему, — равнодушным тоном сказал Григорий Ефимович.

— Как?! Неужели не любите? — удивилась молодая дама.

«Старец» покрутил головой.

— Не!.. Сирень, ту люблю, а этих цветочков... не обожаю.

— Не обожаете? — тоном, не лишенным лукавства, переспрашивала Ксения Владимировна. — Но в таком случае как же вам не совестно тратить столько денег на цветы? Ведь это же стоит больших денег.

Распутин вдруг ослабил. На сумрачном лице появилась усмешка, и он, ухмыляясь, проговорил:

— Да нешто я их покупал?! — И затем явно презрительным тоном добавил: — Была нужда!..

— А-а-а, так это вам дарят ваши поклонницы! — воскликнула с невинным видом Ксения Владимировна. — Да?.. Ну какой же вы счастливый, Григорий Ефимович.

Распутин растегнул свою поддевку, оправил бывшую на нем синюю шелковую рубаху и заложил руки за пояс.

— Если я иногда завидую богатым, то только потому, что они имеют возможность всегда иметь живые цветы, — сказала Ксения Владимировна, обращаясь ко мне.

Вдруг она воскликнула:

— Нет, нет, вы подойдите сюда! Вы посмотрите, что это за роскошь!

Посредине стола стояла огромная, роскошная корзина, наполненная чудными белыми, алыми, пунцовыми розами, сверкавшими свежестью своих лепестков и распространявшими в воздухе тонкий аромат.

Ксения Владимировна с восхищением, почти с экстазом любовалась цветами.

— «Как хороши, как свежи были розы!» — вдруг мечтательно продекламировала она. — Но ведь это же безумно дорого!.. Григорий Ефимович! Нескромный вопрос: кто подарил вам эти розы?

— Z прислала, — проговорил Распутин, почесывая живот.

Он назвал одну очень высокопоставленную особу — настолько высокопоставленную, что, услышав ее имя, Ксения Владимировна вдруг прикусила язычок и умолкла на несколько минут*.

С краю стола, где я сидел, лежала пачка писем и пакетов, адресованных на имя Григория Ефимовича Распутина. Я спросил, что это за письма.

— А это сегодня с почтой пришли, — сказал «пророк». — Ко мне много приходит писем и пакетов. От разных лиц. Со всей России присылают... Сегодня еще немного, — продолжал он, беря письма и пересчитывая их. — Всего пять. Вчера больше было.

— Давайте, я прочту вам письма, — предложила Ксения Владимировна.

— Ну, что же, почитай, потрудись, — сказал Григорий Ефимович, передавая ей один из пакетов.

— Я буду вашим секретарем, — продолжала Ксения Владимировна. — Хотите?

В ее тоне вдруг послышались какие-то новые, заигрывающие нотки, точно она была не прочь пококетничать с «прозорливцем».

Распутин что-то невнятно пробормотал о том, что хорошо бы иметь такую «секретаршу». Он сел на кушетку, около Ксении Владимировны, и приготовился слушать.

Началось чтение.

Писал волостной писарь одной из губерний западной Сибири. Витиевато, канцелярским слогом расписывал он о том, как много трудов положил на пользу службы и как всегда из всех сил старался угодить начальству. Однако, несмотря на это, благодаря проискам каких-то недоброжелателей, неожиданно был уволен от должности без всякой причины и вины со своей стороны. И вот он с большой семьей остался

* Распутин сказал: «Царица прислала».

без всяких средств, терпит страшную нужду, голод и холод и потому обращается к высокоуважаемому Григорию Ефимовичу с нижайшей просьбой похлопотать за него перед сильными людьми, которые могли бы предоставить ему должность волостного писаря, хотя бы в другой губернии.

— Что вы сделаете с этим прошением? — спросила Ксения Владимировна.

«Старец» глубокомысленно помолчал, подвигал губами, а затем в свою очередь предложил вопрос:

— Это кому следует? К Кулакову*, што ли?

— Да, это в его ведомстве.

— Стало быть, надо послать Кулакову... Он сделает! — уверенно проговорил «пророк». — Хороший человек... Беспременно исполнит... Ну, теперь почитай исхо это прошение.

Ксения Владимировна опять начала читать, а Распутин уставил свой тяжелый, неподвижный взгляд на чтицу. Но мне казалось, что он не столько слушал свою «секретаршу», сколько рассматривал ее открытую шею, ее бюст, ее руки — очень красивой формы, открытые до локтя.

На этот раз писал начальник станции одной из южных железных дорог. Многословно излагал он всю свою служебную карьеру «с маленьких должностей» на каком-то захолустном полустанке в степи. Постепенно достиг «высокой» должности начальника на крупной торговой станции. Был совершенно счастлив и доволен своей судьбой и службой, как вдруг — крах, и он остается без места, выброшен на улицу. Просит и молит Григория Ефимовича оказать ему милость и посодействовать в назначении на новую должность.

— А это к кому? — опять спросил Распутин, адресуясь к Ксении Владимировне.

Она назвала фамилию лица, стоявшего во главе железнодорожного ведомства**.

— Так... так... знаю, я ему много посылал этих самых прошений. Сначала он исполнял, как и следует быть, с охотой, ну, а теперь — не того...

— Что же? Отказывается?

— Ну, нет, не то штоб отказывается, но только не по-прежнему. Недавно я ему одиннадцать прошений послал, а он из них всего только шесть исполнил.

* Министр внутренних дел Н. А. Маклаков.

** Министр путей сообщения Рухлов.

— Ну, что же, — заметила Ксения Владимировна, — шесть из одиннадцати. Ведь это же очень хорошо.

— Чего тут хорошего, — с хмурым, недовольным видом буркнул Распутин. — Нет, не буду я посылать ему...

Он взял прошение, разорвал его и бросил в камин.

Третье прошение было от какой-то купеческой вдовы, которая слезно жаловалась на свою судьбу, так как после смерти мужа дела пришли в полное расстройство; не зная, как выйти из тяжкого положения, она умоляет «пророка» помолиться за нее и помочь ей «сколько возможно».

— Отложи, — внушительно сказал «старец», обращаясь к Ксении Владимировне, и, подавая ей другое письмо, прибавил: — На-ка, почитай энто письмо.

Торговец лесом с Волги сообщал об упадке торговли и о пожаре, который уничтожил его дом со всем двором и имуществом. Просил о помощи.

— Ну-ка, исшо, — сказал отец Григорий, подавая Ксении Владимировне последнее письмо.

В нем петроградская «трезвенница», последовательница «братца Иоанна Чурикова», содержательница меблированных комнат, просила Распутина похлопотать и посодействовать, чтобы были разрешены собрания и проповеди братца, неправильно запрещенные по проискам миссионеров.

В письме много говорилось об огромных связях и влиянии «прозорливца» в высоких кругах и выражалась уверенность, что если он только захочет, то все будет сделано согласно его желанию.

— Надо бы помочь, — сказал Распутин, — я энту женщину знаю. Да и братца знаю.

Подумав несколько минут, он встал, вышел в другую комнату, принес оттуда чернильницу и перо и начал что-то писать на прошении «трезвенницы».

В корявых пальцах неловко торчало перо. Старательно выводя какие-то каракули, «старец» все время сопел.

Закончив писание, он передал прошение Ксении Владимировне, заметив:

— Надо бы припечатать. Завтра энта женщина придет за ответом, я ей отдам пакет, а она отнесет его к Данскому.

— К Данскому, помощнику С.

Старец назвал немецкую фамилию лица, стоявшего тогда во главе духовного управления*.

* Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер.

— Боже мой, но ведь он же обидится на вас! — воскликнула Ксения Владимировна. — Что вы тут написали!

Она передала мне прошение, на полях которого крупными каракулями красовалась резолюция:

«Петруся зделай этим людям што можна.

Григорий».

— Кто такой этот Петруся? — спросил я у Распутина. — А Петр Степаныч... Петр Степаныч Данской...*

— И ты это напрасно, — сказал «пророк», обращаясь к Ксении Владимировне, — ничаво он не обидится... Не впервой.

— Однако как-никак он все-таки сановник... Если не ошибаюсь, тайный советник... на правах товарища министра, — говорила деловым тоном Ксения Владимировна.

— Пуцай его!.. Для кого — советник, а для меня — Петруся.

Ксения Владимировна, пожав плечами, начала заклеивать конверт с прошением «трезвенницы».

— Ну, спасибо, — сказал Григорий Ефимович, — завтра отдам ей, когда она придет... Ко мне много народу ходит. Каждый день. Приходи как-нибудь поутру, часов в девять — увидишь, сколько у меня всякого народа бывает, — сказал Распутин Ксении Владимировне.

— Кто же больше всего обращается к вам? — спросил я.

— Разные. И серый народ, и из чистой публики... Много духовных обращается.

— Священники? — спросил я.

— Да, и священники, и монашествующие... и синодские... всякого сословия.

— А духовных вы куда же направляете?

— Как куда? — переспросил «отец Григорий». — Да тоже к разным лицам, глядя по делу... Больше к Петрусе, — он всегда сделает, что нужно... Услужливый на редкость...

В течение вечера Ксения Владимировна несколько раз пыталась завести разговор на тему о причинах влияния «старца» вообще и в особенности его успеха у женщин. Нужно отдать ей справедливость, она делала это очень тонко, искусно, дипломатически. Однако «пророк» не поддавался на удочку. Он явно не желал касаться этих вопросов; в его глазах загорались какие-то беспокойные огоньки, он хмурился

* Помощник обер-прокурора синода Петр Степанович Даманский.

и подозрительно посматривал то на свою собеседницу, то на меня. Очевидно, он не находил удобным вести разговор на эти темы в присутствии третьего лица.

Со своей стороны, он поинтересовался узнать, как я прихожусь Ксении Владимировне.

— Он мой дядя, — выпалила она, смотря на «прозорливца» невинными глазами.

Думаю, что «пророк» не поверил этому, хотя он и не подал никакого вида, а только спросил, с чьей стороны я прихожусь дядей.

— Со стороны матери, — импровизировала Ксения Владимировна.

— А кто твой отец? — любопытствовал Григорий Ефимович.

— Генерал, — с гордым видом бросила Ксения Владимировна.

Распутин все еще сохранял сумрачный, нахохленный вид, говорил мало и сдержанно, но взгляд его все чаще и чаще останавливался на его молодой собеседнице. Все время, пока Ксения Владимировна читала письма, он не спускал с нее глаз.

«Уж не гипнотизирует ли он ее?» — думалось мне.

Ксения Владимировна, сидя на маленькой кушетке, как-то лукаво и в то же время иронически посматривала на «пророка».

Вдруг я вижу, как она быстрым, привычным жестом вынимает из волос гребенки и шпильки, делает легкое движение головой, и в тот же момент волна темно-русых волос рассыпалась по ее плечам и спине. Из рамки густых пышных волос выглянуло оживленное, покрасневшее лицо с тонкими, красивыми чертами.

Я с большим недоумением посмотрел на нее, не понимая, зачем это она делает, к чему эта игра.

В глазах Распутина забегали зеленые, хищные огоньки сладострастника. Он вышел в соседнюю комнату, оставил там поддевку и вернулся в одной синей рубахе, подпоясанной красным шнуром с кистями. Поместившись на маленьком диване, рядом с Ксенией Владимировной, он вдруг сделал попытку погладить ее плечи.

Она быстро уклонилась и поспешила подальше отодвинуться от него.

— Ишь ты, какая... колючая, — сказал «отец Григорий» недовольным тоном.

Ксения Владимировна начала поспешно приводить в порядок свои волосы.

— Право, колючая... Я впервой такую вижу... тысячи знал разных барынь, а такой еще не видал.

— Неужели не видали? — задорно переспросила Ксения Владимировна, заканчивая свою куафюру.

— Вот перед Истинным — не видал такой... А ты напрасно серчаешь: я всегда одинаков — как без дяди, так и при дяде, — почему-то подчеркнул он.

С этого момента Григорий Ефимович заметно стал оживленнее.

— Будемте чай пить! — предложил он, обращаясь к нам, и, видя, что мы не отказывались, вышел из столовой, чтобы сделать распоряжение.

Вскоре появился самовар и чайные приборы. Подавала какая-то пожилая женщина с бледным, выцветшим лицом.

Мы заняли места в конце стола, около самовара. Распутин придвинул белый картон с тортом и вазы с вареньем.

Варенье оказалось превосходным, из южных фруктов: тут были ренклоды, персики, абрикосы.

«Дары поклонниц», — подумалось мне.

«Старец» отрезал несколько кусков торта и предложил нам «попробовать».

Торт «прозорливца» оказался, прямо сказать, восхитительным: он так и таял во рту. Заинтересовавшись этим, я захотел узнать, из какой кондитерской вышел этот необыкновенный торт-шедевр. Но на картоне, в которой был заключен торт, не оказалось никаких следов, которые указывали бы на фирму. Очевидно, это тоже был подарок какой-нибудь высокой почитательницы Распутина — быть может, той же самой, которая прислала розы.

— Кушайте! — сказал нам «старец», а сам придвинул к себе большой пакет из желтой бумаги и вынул оттуда несколько баранок, какие продаются на всех базарах, во всех мелочных и овощных лавках.

Сначала этот жест мне понравился; понравилось, что «пророк» до сих пор сохранил крестьянские вкусы и предпочитает деревенские баранки столичному кондитерскому тарту. Но вскоре мне пришлось убедиться, что все это делалось неспроста, а с явной демонстративной целью, с желанием подчеркнуть верность демократическим вкусам и привычкам.

Потом я узнал, что эта манера возведена Распутиным в систему и что в высоких кругах это обстоятельство немало способствовало его популярности. Вот, дескать, человек, который, несмотря на все соблазны, тем не менее все-таки остается настоящим крестьянином, мужиком, настоящим представителем народа.

Я должен, однако, прибавить, что «прозорливец», сколько мне известно, никогда не отказывается вкусно и сытно поесть и попить, но только при условии, чтобы это было не на виду у тех особ, которые ему покровительствуют.

Зазвенел телефон. Распутин подошел к аппарату, взял трубку и начал слушать.

Меня немало удивила поза, которую при этом он принял. Одну ногу он поставил на стул, стоящий у аппарата, левой рукой держал трубку, а правой подбоченился. Мне казалось, что он пытался подражать кому-нибудь из своих аристократических знакомых и явно желал быть галантным. Разумеется, у него это выходило до последней степени смешно и карикатурно.

— Откуда звонят? — спрашивает «старец». — Из Z*? А, это ты, Оленушка. Здравствуй, здравствуй... Ну?.. Что прислать к завтраму? Да ничего не надобно. Все есть... Да, и осетрина есть... А? Что? Цветов?.. Нет, нет, не нужно! И без того их полная комната... некуда ставить... Вот разве яичек.

«Пророк» взглянул на стол, где, среди цветов, стояла глубокая тарелка с яйцами.

— Яичек пришли, — продолжал он, — а то их совсем мало остается. Они уже на исходе... Винца? То бишь кагору, пожалуй, пришли... Хорошо, ладно... спасибо... Ну, прощай, Оленушка, до завтра, стало быть.

Григорий Ефимович вернулся к нам и начал пить чай с блюдечка, заедая баранками с анисом.

— А что у вас завтра? — спросила Ксения Владимировна.

— Гости будут, — отвечал Распутин со значительным видом. И затем, подумав, сказал:

— Коли хочешь, приезжай. Так, часов в 12, после обедни. Я буду в Казанском.

— А кто у вас будет?

«Прозорливец» посмотрел на собеседницу, но ничего не ответил: видимо, он не желал называть своих гостей. Ксения Владимировна повторила вопрос.

— Мм... — замылся «старец», — коли приедешь, сама увидишь.

Помолчав немного, он сказал:

— Будет одна в лентах.

— Как в лентах?

— Да так, почитай, что вся в лентах, сверху донизу. И вся мелкими образками увешана... Генеральша одна.

— Может быть, приеду, — сказала Ксения Владимировна, — если ничто не задержит.

— Приезжай, — повторил еще раз Распутин.

«А меня не приглашает», — подумал я.

* Из Царского [Села].

Было уже около половины двенадцатого. Мы начали прощаться, «пророк» нас не удерживал.

Прощаясь со мной, он вдруг облобызал меня. Эта неприятность, как я потом узнал, ожидает почти каждого, кто только посетит «прозорливца».

В передней, когда мы одевались, «старец», пронизывая Ксению Владимировну своими зелеными глазами, еще раз со значительным видом напомнил ей, что завтра будет прощенное воскресенье, что поэтому она должна непременно приехать к нему.

— Хорошо, приеду, — сказала она покорно.

Мы сели в пролетку — февраль 1914 года был бесснежный, — и извозчик погнал лошадь по гололедице. Вечер стоял мягкий, влажный, теплый.

Ксения Владимировна казалась крайне возбужденной; она то смеялась, то болтала, волнуясь и спеша.

— Нет, вы только подумайте, А. С., это чудовище... этот Распутин уверяет меня, что он «таких» еще не встречал, что я — единственная из тысячи женщин, которых он знал... «Тысячи женщин!»... Как это вам нравится в устах праведника? Не правда ли, это звучит гордо?.. Мой брат знает из верных источников, что на Распутина чуть не молятся самые высокопоставленные дамы, что его считают святым, пророком, прозорливцем... Неужели все это взаправду, *pour tout le bon*, — как говорят французы?.. «Ишь, какая ты колючая!» — вдруг вспомнила она обращенные к ней слова «пророка». И снова начала смеяться.

Мне припомнилась сцена с волосами, и я с некоторой тревогой посмотрел на свою спутницу. Мне казалось, что она затевала игру, игру, которая, в конце концов, могла получить неожиданную для нее самой развязку.

Мое сдержанное молчание было, вероятно, замечено молодой дамой, так как вдруг она перестала смеяться и сделалась серьезной. Помолчав несколько минут, она обратилась ко мне с вопросом:

— Меня очень интересует то впечатление, какое произвел на вас Распутин. Что вы думаете теперь об этом человеке?

— Первое впечатление было чисто криминальное, — сказал я. — Право, когда я впервые увидел его, увидел, как потемнело его лицо, как он весь насутился, стоял и молчал, мрачный, нахохленный, кидая злые взгляды вокруг, — мне показалось, что предо мной прямо преступный тип. Конечно, двухчасового наблюдения недостаточно для того, чтобы составить окончательное мнение о человеке. Можно, разумеется, ошибиться. Однако мне сдается, что в природе этого человека есть действительно немало темного, преступного, что нужно скрывать. Отсюда, вероятно, его необыкновенная сдержанность, скрытность, его постоянные недо-

молвки. Думаю, что преобладающей чертой его природы является грубая чувственность, животное, звериное сладострастие. Ни малейших следов непосредственности, которой обыкновенно отличаются люди, вышедшие из народа, в нем я не подметил. Он, видимо, привык вращаться в разных слоях общества, привык иметь дело с самыми различными людьми. Искренности нет и следа. Он явно играет роль, которую продумал, к которой привык. Он крестьянин, вчерашний землероб, выходец из недр народа. Благодаря исключительному, совершенно фантастическому стечению обстоятельств, он достигает необыкновенного влияния, можно прямо сказать — могущества... Сколько сановников, сколько епископов обязаны ему своей карьерой, своим возвышением! После этого не удивительно, что Кулаков* раболепно исполняет его желания. Не удивительно, что С** кланяется ему «земно». Сам граф В*** заискивает в «отце Григории» и ездит к нему на поклон вместе со своей супругой. Но, получив такое колоссальное влияние, что сделал «прозорливец» для крестьянства, для народа? Ровным счетом ничего! Но зато его собственное благосостояние, как уверяют, развилось и упрочилось как нельзя лучше.

— Вы находите его умным или нет? — спросила Ксения Владимировна.

— Согласитесь, что сегодня он ничем не обнаружил своего ума. Но что он очень хитрый человек, себе на уме, то это не подлежит никакому сомнению.

На другой день, в прощенное воскресенье, Ксения Владимировна позвонила ко мне в четвертом часу. Слышу ее взволнованный голос:

— Я только что вернулась от Распутина. У него сегодня был настоящий раут. Вы не можете себе представить, кого я там встретила... Вы не можете себе представить, что там происходило. Это нечто невозможное! Это настоящий бедлам. Я прямо подавлена... Завтра приеду к вам и расскажу все подробно.

V

«Раут»

Приехав ко мне на другой день, Ксения Владимировна поведала мне следующий рассказ:

— Ровно в 12 часов дня я подъехала к дому, в котором живет Григорий Распутин. Это дом одного генерала, бывшего губернатора, известного своим черносотенством.

* Н. А. Маклаков.

** В. К. Саблер.

*** Граф С. Ю. Витте.

У подъезда стояла карета и два очень элегантных автомобиля с гербами. Высокие выхоленные лакеи стояли тут же на тротуаре около подъезда: на одном была ливрея сургучного цвета, у другого — цилиндр с позументами и скунсовая шаль на плечах.

В передней «пророка» пахло ухой и осетриной.

Прислуга, раздевая меня, сообщила:

— Отец Григорий сейчас будут: они в Казанском соборе. К обеду уехавши... Пожалуйста в гостиную.

Меня провели в тот зал, в котором «старец» принимал своих посетителей во время моего первого визита к нему.

Здесь уже было целое общество, состоявшее почти исключительно из дам. Из мужчин был только один — молодой человек, лет 30, родственник графини Головкиной. Он приехал сюда, сопровождая свою молоденькую жену, беременную первым ребенком. Страстная почитательница «прозорливца», она непременно хотела посетить его в прощенное воскресенье.

Муж, хотя и против воли, принужден был, скрепя сердце, согласиться на это. Несмотря на всю его корректность и сдержанность, можно было подметить, что многое из того, что здесь происходило, сильно коробило его.

Графиня Головкина была вместе со своей дочерью, симпатичной и милой, но, видимо, очень болезненной девушкой, в глазах которой застыла глубокая грусть. Я ранее уже виделась с нею как-то у «старца», поэтому мы встретились как знакомые.

Я была очень рада этой встрече, тем более что все остальное общество было мне совершенно незнакомо. Молодую графиню в семье почему-то все звали Тюней, хотя ее настоящее имя было Татьяна Сергеевна. Многие из ее знакомых за глаза тоже обыкновенно называли ее Тюней; поэтому и я усвоила эту привычку.

— Вы давно знаете Григория Ефимовича? — спросила я графиню Тюню.

— О да, с отцом Григорием мы знакомы уже несколько лет, — отвечала она.

— Мне бы очень хотелось поговорить с вами о нем. Но для этого нам, может быть, будет лучше перейти в соседнюю комнату?

— Идемте, — сказала Тюня, вставая.

Мы перешли в соседнюю, небольшую, довольно скудно меблированную комнату и сели на диван.

— Мне кажется, вы относитесь к Григорию Ефимовичу с большим уважением, — сказала я.

Тюня сейчас же начала волноваться.

— Вы правы... Я с первого же раза уверовала в отца Григория, — проговорила она с глубоким убеждением. — И теперь у меня нет никаких сомнений.

— К сожалению, я не могу этого сказать о себе, — сказала я, — напротив, у меня слишком много разных сомнений. К тому же многого из слов Григория Ефимовича я совсем не понимаю.

— Слова отца Григория надо понимать духовно-аллегорически. Его слова всегда имеют особенный смысл. Чтобы понять их сокровенное значение, нужно глубоко вникать, нужно углубляться, сосредоточиваться.

— Затем, признаюсь, меня немало смущает его манера обращения с дамами, — решила намекнуть я.

Тюня сделала вопросительное лицо.

— Вы не догадываетесь, о чем я говорю?.. Меня крайне удивляет, например, его страсть к поцелуям.

— Ах, Боже мой, — с укором воскликнула Тюня. — Неужели вы не сознаете, что его поцелуи не имеют ничего общего с поцелуями других мужчин?

Позиция, занятая Тюней, начинала меня раздражать. Я решила быть откровеннее.

— Мне не нравятся также его постоянные прикосновения, пожатия, поглаживания, — проговорила я, смотря прямо в глаза Тюни.

— Отец Григорий настолько чист сердцем, что он на все смотрит с высоты своей чистоты, — сказала она убежденно. — Да, да, отец так далек от всего мирского, земного... так далек от всякой мысли об удовольствии или наслаждении... Ему ваше тело не нужно, так как он не придает телу никакого значения... А главное, он считает, что если женщине становится неловко от его ласк, то, значит, она не свободна от греховных помыслов, от тайных желаний.

«Вот оно что, — подумала я, — какова теория!»

— Нас он теперь почти совсем не трогает, — сказала Тюня с самым невинным видом.

Мне вдруг захотелось сказать ей что-нибудь резкое.

— А скажите, пожалуйста, вас не смущает то, что пишут в газетах о Григории Ефимовиче? — спросила я.

Тюня горько улыбнулась, и в ту же минуту судороги задержали ее нервное, бледное лицо.

— Ах, в людях, к сожалению, так много гадкого, — сказала она, сильно волнуясь, — поэтому они во всем готовы видеть что-то грязное.

— Получили ли вы покой с тех пор, как познакомились с Григорием Ефимовичем? Вообще, что вам дало знакомство с Распутиным? — спросила я.

— Благодаря отцу Григорию я получила полную ясность души, — сказала Тюня с каким-то блаженным видом.

Глубокое, искреннее чувство, которым были согреты эти слова, сильно тронуло меня, мне стало от души жаль милую девушку, и я постаралась перевести разговор на нейтральную почву.

— Я в первый раз встречаю у Григория Ефимовича такое большое общество. К сожалению, кроме вас, я никого не знаю из собравшихся здесь... Мне хотелось бы знать, кто эта высокая, представительная дама с южным типом лица? — спросила я.

— Как, вы не узнали? Это светлейшая княгиня Х, — отвечала Тюня. — Она с большим уважением относится к отцу Григорию.

— А эта полная, высокая блондинка?

— Это Елена Алексеевна Торопова, бывшая фрейлина. Давнишний верный друг отца Григория и горячая его почитательница.

В эту минуту дверь в комнате, в которой мы сидели, отворилась, и вошла мать Тюни, графиня Головкина.

— Отец Григорий приехал, — сказала она, — идемте в столовую: он ждет.

Тюня поспешно встала, представила меня своей матери, и мы направились в столовую «прозорливца».

При виде меня Распутин выразил свое удовольствие.

— Ну вот, хорошо, што ты пришла сегодня, — сказал он с довольным видом, — садись сюда, поближе ко мне.

И он усадил меня рядом с собой.

Роскошные корзины живых цветов, ландышей и роз, которыми я любовалась накануне, были расставлены вдоль стола, за которым мы все разместились.

Дамы, как только они сели за стол, очевидно по принятому здесь обычаю, протянули руки к «пророку», говоря:

— Я-ич-ко!

Это произносилось каким-то просительным, почти умоляющим тоном.

— Как, неужели и княгиня Х*? — изумился я.

— Она тоже протянула руку, но сделала это молча, — сказала Ксения Владимировна.

Григорий Ефимович придвинул к себе тарелку с яйцами и начал наделывать всех по одному яйцу.

Тотчас же все начали есть яйца, точно свершая какое-то таинство.

* Под именем «светлейшей княгини Х» выводится великая княгиня Милица Николаевна.

— А ты не хочешь яичко? — спросил Распутин, обращаясь ко мне.
— Нет, не хочу, — сказала я.

Я ответила так потому, что действительно не люблю яиц вкрутую и никогда их не ем. Но я никак не ожидала, что мой отказ от яйца произведет настоящую сенсацию.

Все дамы с изумлением оглядели меня. Особенно меня поразили взгляд графини Тюни — полный немомго укора и глубокой скорби.

Даже княгиня Х чуть заметно повернулась в кресле и осмотрела меня в лорнет.

А я в свою очередь наблюдала за ними. Меня, между прочим, поразила одна подробность, которая невольно бросилась мне в глаза. После того, как яйца были съедены, ни на тарелках, ни на столе совсем не оказалось скорлупы. Никаких следов!.. Куда же девалась скорлупа? Ведь не могли же эти дамы скушать яйца вместе со скорлупой? Ясное дело. И я решила, что они спрятали скорлупу, как своего рода реликвию, в свои изящные сумочки. Иначе я никак не могла объяснить себе бесследного исчезновения яичной скорлупы.

Подали уху, которая оказалась очень вкусной. Затем следовала разварная осетрина с белым соусом, тонко, по-поварски, приготовленным. Из вин был один кагор — церковное вино, которое пили бокалами.

Из всех дам, бывших у «старца», меня особенно интересовала Елена Алексеевна Торопова. Я так много и с разных сторон наслушалась всевозможных рассказов о ней, о ее необыкновенном увлечении «пророком», а также о той роли, которую она играла и играет в высоких сферах.

Уверяли, что именно она больше всего способствовала популярности Распутина в придворных кругах, что именно она больше всего содействовала его возвышению, его близости к высокопоставленным особам, к царице и царю.

Что касается ее искренности, то тут мнения резко расходились: сравнительно немногие готовы были признать ее вполне искренней, но значительное большинство лиц, более или менее близко знающих ее, отзывались о ней как об особе, преследующей свои чисто личные цели и действующей по расчету. Говорилось также о том влиянии, какое оказывает на нее родной отец, очень крупный и важный сановник, известный в тех кругах под именем «лукавого царедворца».

Поэтому, встретив г-жу Торопову у «старца», я отнеслась к ней с большим интересом и вниманием. Прежде всего, мне бросилось в глаза, что ее наружность немало не соответствовала тому представлению о ее внешности, которое сложилось у меня под впечатлением рассказов

и слухов о ней, доходивших до меня. Никаких следов, никаких признаков духовных, мистических устремлений и переживаний в ней не было заметно.

Наоборот, вся ее внешность слишком громко и властно говорила о земном, реальном, чисто плотском, телесном.

Правда, она очень красива, но слишком в русском стиле: высокая, полная, породистая, с развитыми формами, с большими голубыми глазами, с пышной шевелюрой пепельного цвета.

Среди представителей и представительниц современной нарождающейся аристократии она выглядела настоящей московской боярыней XVII столетия.

Мне бросилось в глаза, что она была без корсета. Это очень портило ее крупную, импозантную фигуру. В первый раз мне пришлось видеть в обществе придворную даму без корсета. Потом, позднее, когда я выразила свое удивление по этому поводу, знакомые Елены Алексеевны объяснили мне причину этой странности.

Оказывается, «отец Григорий» «не любит корсетов». Поэтому дамы, особенно дорожащие его расположением, отправляясь к нему, обыкновенно эмансипируются от этой принадлежности дамского туалета.

А что Елена Алексеевна Торопова как нельзя более дорожит расположением «старца», — в этом, конечно, не может быть никакого сомнения.

Вот я вижу, как, она берет кусок черного хлеба, кладет на него два огурца и, держа это в руках, подходит к Распутину. Почтительно приблизившись к нему, она заглядывает ему в лицо и произносит томным и в то же время вопросительным голосом:

— Отец?..

«Старец» берет один огурец прямо рукой и, откусив половину, начинает жевать. Другую половину он кладет на кусок хлеба, который держит в своих руках Елена Алексеевна.

Ту же минуту она берет остаток огурца и, положив его в рот, начинает есть с каким-то особенным, благоговейным аппетитом.

Лицо ее светится радостью. Можно подумать, что в эту минуту она чувствует себя счастливейшей женщиной в мире...

VI

Бедлам

Завтрак подходил к концу, как вдруг дверь, ведущая в столовую из передней, широко распахнулась и на пороге показалась странная женская фигура во всем белом, с длинной палкой в руках.

Лица вошедшей я не могла рассмотреть, так как одетый на голову косматый рыжий парик закрывал большую часть лица; к тому же над самыми глазами к парику был прикреплен особый широкий венчик, на котором крупными буквами было написано: «Аллилуйя».

Мне сделалось жутко, так как я подумала, что вошла психически больная, сумасшедшая женщина. Но, заметив, что белый фантастический костюм, в который была одета вошедшая, обильно украшен разноцветными лентами, я вспомнила слова «старца», сказанные мне накануне о том, что у него будет одна «генеральша вся в лентах».

Подвигаясь какой-то странной, точно разбитой, походкой, приседая и подпрыгивая, белая женщина громко выкрикивала:

— Христос воскрес! Христос воскрес!

Затем, сильно стуча палкой о пол, она истерическим голосом, голосом кликуши начала выкрикивать что-то совершенно невнятное и несуразное.

Приблизившись к «старцу», дама в лентах вдруг упала перед ним на колени и пронзительно крикнув: «Отец!.. Бог — Саваоф!..» — грохнулась на пол и распростерлась ниц.

Потрясенная этой сценой, я спросила сидевшую рядом со мной Тюню:

— Кто эта дама?

— Софья Аркадьевна Похитонова, — кратко ответила она.

— Больная, ненормальная?

Тюня пожала плечами и сдержанно проговорила:

— Вы напрасно так думаете.

— Но... зачем же на ней этот безобразный парик?

— Какой парик? — удивилась Тюня. — Вы ошибаетесь. Это совсем не парик, это сибирская шапка из волчьей шерсти — подарок отца Григория. Он привез ее из Сибири. Софья Аркадьевна очень дорожит этим подарком.

— А зачем эти ленты, этот странный костюм? — не отставала я, хотя и сознавала, что мои настойчивые расспросы шли вразрез с самыми элементарными правилами «хорошего тона».

— Она взяла на себя личину юродства, — объясняла Тюня. — Она желает унижить себя, она хочет, чтобы над нею смеялись... Это, конечно, очень тяжелый подвиг, особенно для светской женщины, но Софья Аркадьевна добровольно приняла его на себя и несет его безропотно.

«Какой странный подвиг!.. Возвращение к XVI столетию», — подумала я, не решаясь, однако, высказать этого вслух, чтобы не обидеть свою собеседницу.

Дамы поспешили на помощь к юродивой, подняли ее, но она тотчас же вырвалась от них и бросилась к «пророку» с неистовым криком:

— Отец!.. Отец Григорий!.. Бог — Саваоф!..

Она кидалась к нему на шею, старалась обнять его, но он отбивался от нее, крича:

— Отстань, отстань от меня Христа ради... Тварь поганая!..

Мне показалось, однако, что он отбивался менее энергично, чем можно было ожидать от него при этих условиях.

А она продолжала цепляться за него, продолжала хватать его руки, покрывая их поцелуями.

— Отойди от меня, дьявол! — орал «прозорливец» во все горло, — а не то вот, как перед Истинным, расшибу тебе башку!

Наконец дамам удалось снова завладеть Софьей Аркадьевной, и они повели ее под руки на стоявший в переднем углу большой широкий диван, устроенный в виде ската.

Софья Аркадьевна, точно обессиленная от только что пережитой сцены, распласталась на диване.

Но это был один момент. Тотчас же она снова поднялась и, простирая руки по направлению к «старцу», громким, проникновенным голосом начала выкрикивать:

— Падите ниц перед ним!.. Целуйте его след!..

В эту минуту зазвенел телефон.

— Тюнька, — сказал Распутин, обращаясь к молодой графине Головкиной, — узнай, кто такой звонит.

Тюня поспешно встала и направилась к телефону. Видно было, что она с радостью готова исполнить поручение «отца Григория».

Но я заметила, что графиню Головкину такое обращение «пророка» с ее дочерью заметно покорило. Однако она, видимо, не решилась высказать ему своего недовольствия по этому поводу. Она ограничилась только тем, что сдвинула брови и сделала каменное лицо. Но «старец», очевидно, не придал никакого значения мимике графини.

«Однако, — подумалось мне, — как мало церемонится “прозорливец” со своими почитательницами, даже с теми из них, на средства которых живет».

Через минуту Тюня докладывала Распутину:

— Любовь Павловна Мосолова спрашивает вас: когда она сможет приехать к вам? Ей необходимо посоветоваться с вами.

— А кто это такая Любовь... как, бишь, она сказала? — спросил «пророк», обращаясь к дамам.

— Это жена Николая Дмитриевича Мосолова — о нем вы, конечно, слышали.

— Штой-то не припомню.

— Товарищ председателя в...

Дамы назвали одно из государственных учреждений в Петрограде.

— Так, так. Слыхал... Ну, скажи, пущай приходит, — обратился «старец» к Тюне.

— Она просит узнать, когда же, просит назначить день и час, — заметила Тюня.

— Ну, примерно, хоть завтра, так, после вечерни.

Тюня снова пошла к телефону.

— А ты придешь ко мне завтра? — спросил «пророк», обращаясь ко мне.

Я сказала, что завтра целый день занята и что поэтому я никак не могу быть у него.

— Ну, все же я позвоню к тебе, — сказал он.

— Позвоните, — согласилась я, — хотя вы вряд ли застанете меня дома.

Мои слова услышала Софья Аркадьевна. Она все еще лежала на диване в распластанном виде, — услышала и страшно вознегодовала.

— Господи! — завопила она. — До чего мы дожили?.. Он САМ, Бог-Саваоф, будет звонить по телефону какой-то девчонке... Вот они, ваши черницы, прелестницы...

— Замолчишь ли ты, погань! — кричит на нее Распутин.

Но юродивая генеральша долго не могла успокоиться. Замолчала было на минуту, но затем снова начала выкрикивать:

— А я последние свои денежки сейчас отдала... За автomotor уплатила... Хотелось отца повидать... Осталась без копейки... Слышите вы?..

Слова «генеральши», видимо, сильно нервировали «отца Григория»: лицо его приняло злое выражение, он насупился и сердито крутил головой.

— Так я и знал, — бормотал он. — Ишь ты, тварь проклятая. Право, погань ты этакая...

Меня до крайности поражала и возмущала эта грубая, дикая брань — но, кажется, только одну меня. Все остальные дамы, кровные, титулованные аристократки, представительницы высшего придворного бомонда, ничем не выражали ни своего возмущения, ни своего протеста. Даже великая княгиня Милица Николаевна делала вид, что она не замечает ничего странного в поведении «старца».

«Примирились? Привыкли? — недоумевала я. — Или же авторитет “отца Григория” так подавил их, что они уже не в состоянии относиться критически к нему и к его поступкам?»

— Разве можно так браниться? — упрекнула я «старца».

— Да как же мне ее не бранить? — воскликнул он. — Слышь, слышь, что она говорит...

— Я говорю, что ты — Бог Саваоф... Да, да, Бог-Саваоф... А отец Филарет — живой Христос. Христос! — по-кликушечьи выкрикивала Софья Аркадьевна.

— Вишь, вишь, что она говорит... Она все исхо заодно с Филаретом, с отступником окаянным... Не хочет отстать от него, от еретика проклятого... Ах ты сатана ленточная!..

Монах Филарет*, который возбуждал такую злобу «прозорливца», в течение нескольких лет был близким его другом и единомышленником. В бурные годы 1904–1906 они вместе рука об руку боролись с революцией, вместе громили «безбожную интеллигенцию», «жидов» и всех других «инородцев», считая их единственными виновниками движения, поднявшегося в общественных кругах и народных массах.

Но затем между Распутиным и монахом Филаретом пробежала черная кошка, произошел резкий разрыв, и недавние друзья обратились в ярых и заклятых врагов. Закипела вражда, завязалась ожесточенная борьба. Филарет выступил с обличениями против Распутина, обвиняя его в темных пороках, в грязных похождениях.

Эти обличения, подкрепленные документальными данными, пошатнули было положение «отца Григория» в высоких сферах. Пошатнули, но ненадолго, вскоре он снова оправился, и положение его сделалось еще более, чем было прежде. Несмотря на это, «прозорливец» продолжал пылать ненавистью к Филарету, и всякое упоминание о «мятежном монахе» приводило его в бешенство.

Так было и на этот раз. Достаточно было юродивой выкрикнуть несколько фраз о Филарете, фраз, в которых проглядывало ее сочувствие к «проклятому отступнику», как вдруг «старец» в сильном волнении вскочил со своего места.

— Нет, я не могу... Нет моих сил боле! — неистово заорал он, дико озираясь вокруг. — Нет больше моего терпения!.. Держите меня, а не то я ее убью!..

И он, зажав кулаки, ринулся по направлению к дивану, на котором лежала юродивая генеральша.

Дамы стремительно бросились к нему, схватили его под руки и начали успокаивать.

— Отец Григорий... Батюшка дорогой... успокойся ради Бога, — говорили они.

«Пророк», делая попытки освободиться, дико рычал:

— У-у-у, сатана... дьявол ленточный...

Этот бедлам мне стал невыносим, и я решила уехать.

* Сергей Михайлович Труфанов, в монашестве Илиодор.

Одновременно со мной из столовой исчез родственник графини Головкиной; я видела, как он, очевидно возмущенный всем происходившим, воспользовавшись общим замешательством и суматохой, вызванными угрозой Распутина убить юродивую, быстро взял под руку свою жену и решительно направился в переднюю.

Прислуги в передней не оказалось, и нам пришлось самим разыскивать свои шубы, шляпы, калоши. Это заняло довольно много времени.

Вдруг из спальни «пророка», находившейся через одну комнату от столовой, раздались на всю квартиру громкие, протестующие крики прислуги.

— Что случилось? Что такое? — с недоумением и тревогой спрашивали дамы, бывшие в столовой.

В эту минуту влетела Дуня.

— Что за беда! Все рубашки растаскали! Скоро «отцу» не в чем будет ходить! — возбужденно кричала она.

— Что такое? В чем дело?

— Да Софья Аркадьевна опять две рубашки «отца» набрала. Из комода вытащила. На ней и без того уже четыре рубашки «отца» надето, а ей все мало...

Оказалось, что генеральша под шумок, скрывшись из столовой, направилась в спальню «прозорливца», надеясь запастись там новыми реликвиями из белья и платья «отца Григория». Но на этот раз замыслы ее были разрушены благодаря вмешательству прислуги.

Очевидно, ни грубая брань, ни проклятия, ни угрозы «пророка» убить ее — ничто не поколебало ее преданности «отцу Григорию»: по-прежнему он остался ее кумиром, ее живым Богом.

Когда мы наконец оделись и направились к выходу, в переднюю вошел Распутин — угрюмый, измятый, всклокоченный.

Молодая дама, его горячая поклонница, обратилась к нему с легким, почти нежным упреком:

— Отец Григорий, за что вы так на нее сердитесь? Ведь она же так... любит вас...

«Отец» вращал глазами, очевидно не находя, что сказать.

— А пошто она... меня за Бога почитает? — угрюмо проговорил он наконец, почесывая себе живот.

Но он, видимо, лукавил, стараясь навести нас на ложный след и в то же время затушевать настоящую причину своего негодования против юродивой генеральши.

Все это происходило *до войны*, почти накануне ее. О том, как протекала жизнь «отца Григория» за время военной грозы, какую позицию занял он и его влиятельные поклонницы и почитательницы по отношению к страшному испытанию, поразившему Россию, — я буду говорить во втором выпуске этих очерков.

Что касается Ксении Владимировны, то она в начале Великого поста покинула Петроград и уехала к себе, т.е. в имение мужа, в его подмосковную вотчину. Перед отъездом она уверяла меня, что в будущем сезоне непременно снова приедет в Петроград, чтобы продолжать свои наблюдения над «пророком» и его поклонницами.

Обещание это г-жа Гончарова действительно исполнила и в самый разгар сезона 1915 года, в конце января, появилась в Петрограде, причем немедленно же возобновила свое знакомство с «отцом Григорием», снова начала очень часто бывать у него, видеться с его почитательницами. Но об этом периоде ее сношений со «старцем» нужно говорить много и долго, а потому я отлагаю свой рассказ до другого раза.

